

ТРАКТАТ ПЛУТАРХА «ОБ ИСИДЕ И ОСИРИСЕ»

Предисловие переводчика

Предлагаемый вниманию читателей трактат является памятником греческой философской мысли конца I — начала II в. н. э. и одним из важнейших источников по истории древнеегипетской религии. Обращение Плутарха к мифу о великих египетских богах представляется не случайным; следует принять во внимание постоянный интерес писателя к религиозно-философским проблемам, возможность особого влияния со стороны его любимого учителя, философа-академика Аммония, египтянина по происхождению, наконец,— наличие культа Исиды и Осириса на родине Плутарха, в Херонее беотийской. Непосредственным толчком к написанию послужило, может быть, посвящение Плутарха в сан дельфийского жреца (см. гл. 68) на закате его жизни, где-то во втором десятилетии II в. н. э. В пользу поздней датировки трактата свидетельствует эпиграфика — две дельфийские надписи эпохи Адриана — Антонина Пия с именем жрицы Флавии Клеи¹, выступающей в качестве адресата благочестивого исследования. Беглое замечание Плутарха в 35 главе позволяет предположить, что в своем родном городе в юности Клея была посвящена в служительницы Исиды — факт неудивительный для эпохи распространения культов Исиды и Сараписа в полисах балканской Греции. Напрашивающийся вопрос о прямой причастности Плутарха к таинствам Осириса должен решаться, скорее всего, отрицательно: в трактате отсутствуют ссылки на личный жреческий опыт, весь тон повествования обнаруживает наблюдателя, судящего о предмете со стороны.

Подход Плутарха к мифу раскрывается уже в распределении внимания между высокими объектами исследования: если первенство Исиды в заголовке трактата является как бы данью симпатиям современников, то в самом тексте, вопреки моде, на первый план выдвинуты не богиня-мать и широко почитаемый Осирис-Сарапис, но мало популярный за пределами Нильской долины исконный египетский Осирис. Интерес Плутарха к древней основе мифа выявляется и в географическом ареале трактата, ограниченном Египтом и Сирией. Новые греко-римские центры почитания египетских богов не привлекают внимания исследователя.

Хотя рассказ Плутарха является единственным дошедшим до нас связным изложением мифа об Осирисе, отдельные моменты этой священной истории отражены в массе иероглифических текстов: сравнение позволяет констатировать верность Плутарха основному контуру египетской традиции. Египетские источники дают аналогии таких узловых эпизодов мифа, как растерзание Осириса, сражение и судебная тяжба Гора и Сета-Тифона, снисходительное обращение Исиды с побежденным Тифоном, ссора Гора с матерью, рождение Гиппократа от мертвого Осириса и т. д. Совпадает и большинство деталей повествования: фигура Туэрис — наложницы Тифона, связь Осириса с быками Аписом и Мневисом, а Тифона — с ослом, гиппопотамом и крокодиллом, интерпретация луны и солнца как очей Гора, а железа — как костей Тифона и т. д. В целом, в рамках египетских представлений выдержаны характеристики великих богов: Осириса — божества влаги и царя мертвых, Исиды — плакальщицы, матери и противницы злого начала, Сета-Тифона — демона пустыни и дурного ветра. Гораздо более скромную роль в реконструкции мифа играют у Плутарха напластования эллинистической эпохи, обнаруживающие влияния, привнесенные культами Диониса и Деметры. Самое крупное заимствование (в целом или в деталях) представляет история Исиды в Библие, близкая фабуле гомеровского гимна Деметре. Очевидно, «биографией» Диониса навеян миф о цивилизаторской миссии Осириса; характер иноземного бога виноделия и плодородия усилил фаллический элемент в культе нильского божества (например, можно предположить позднее происхождение истории о потерянном фалле Осириса), а также связь Осириса с умирающим и воскресающим зерном. В основном, в эллинистическую эпоху утверди-

¹ J. Jannoray. Inscriptions delphiques d'époque tardive. BCH, LXX, 1946, стр. 255–259.

лась ипостась Исида-плодородной земли, Исида-Деметры. Этому аспекту образа великой богини Плутарх уделяет много внимания.

Преобладающей ориентации Плутарха на древнюю египетскую традицию при воссоздании мифа и отдельных деталей культа противостоит характер тех глав, в которых разворачивается богословская интерпретация сказаний и священных реалий. Здесь писатель приступает к делу с позиций издревле присущего грекам религиозного синкретизма: «если некоторых богов люди научились называть египетскими именами недавно, то власть каждого знают и чтят с самого начала» (гл. 66). Подобная установка позволяла и вменяла в заслугу обращение к мнению мудрейших толкователей всех времен и народов. Опираясь на многие авторитеты, Плутарх как бы проводит читателя по восходящим ступеням познания — от все более полных частей истины к ее вершине. Сначала мы узнаем, что Осирис — это Нил, Исида — плодородная земля, а Сет-Тифон — засуха; затем Осирис и Исида толкуются как основополагающие принципы плодородия и упорядоченности, а Тифон — как энергия дисгармонии и разрушения; на более высоком уровне обобщения Осирис и Тифон выступают перед нами в качестве мировых начал Добра и Зла; на последней ступени решается вопрос об основных бытийных сущностях, а здесь Осирис — сверхчувственный творящий логос, Исида — тяготеющая к нему материя. Гор — отпечаток логоса в материи, осязаемый космос, имеющий смешанную идеальную и материальную природу.

В целом Плутарх дает греческую, стойко-платоническую интерпретацию мифа с заметной гностической окраской. Проступает значительное, неизвестно — прямое или опосредствованное, влияние иранского дуализма и зороастрийской демонологии, увлекавшей представителей академической школы — например упоминаемого в трактате Ксенократа, ученика Платона. Отношение плутарховского толкования к египетскому богословию ставит современного исследователя перед труднейшей, донныне открытой проблемой.

Также вопрос об исторических источниках Плутарха может быть решен лишь в самых общих чертах. Умозрительная теория единого основного источника, выдвинутая в начале нашего века П. Фришем и М. Веллманном², не находит поддержки у современных исследователей. Плутарх, в обычной для него манере, ссылается на мнения многих авторов, но главным образом, — на писателей раннеэллинистических; авторитеты римской эпохи остаются в явном меньшинстве (Кастор Родосский, Аристон, Гермей). Следует обратить внимание на использование антикварно-мифологических исследований III в. до н. э. — трудов Архемаха, Мнасии, Антиклидиса, Гераклида Понтийского. Наиболее солидные и, очевидно, главные источники Плутарха — обширные исследования о Египте IV — начала III в. до н. э.: сочинения лучшего знатока египетских древностей — гелиопольского жреца Манефона³; «История Египта» Гекатея Абдерского, которой широко пользовался Диодор Сицилийский: «Описание земли» или какие-то неизвестные нам сочинения Эвдокса Книдского — математика и астронома, ученика египетских жрецов, проведшего в Стране пирамид, если верить Страбону, 13 лет⁴: по числу ссылок Эвдокс занимает в трактате первое место. Предпочтение, оказываемое ранним авторам, еще раз подчеркивает увлечение Плутарха доэллинистическим мифом и культом.

Трактат «Об Исиде и Осирисе» в составе «Моралии» издавался с начала XVI в.: editio princeps Альда Мануция относится к 1509 г. Первый латинский перевод был дан в базельском издании 1750 г. Отдельный выпуск «Понды и Осириса» появился впервые в Англии в 1744 г. В настоящее время существуют следующие основные переводы трактата на европейские языки:

² M. Wellmann. Aegyptisches «Hermes», XXXI, 1896; P. Frisch. De compositione libri Plutarchei qui inscribitur περί Ἰσίδος καὶ Ὀσίριδος, Göttingen, 1907.

³ Видимо, в основном через Манефона дошли до Плутарха данные таких египетских источников, как названные в трактате Гимны Осириса. Книги Гермеса, каталоги царей и т. д. Сам автор «Моралий» путешествовал по Египту, но египетского языка не знал.

⁴ Strabo, XVII, 1, 29.

Loeb Classical Library. Plutarch's Moralia with an english translation by F. C Babbitt, V, L.— Cambr., 1936; Plutarch's De Iside et Osiride with an introd., transl. and comment., by J. G. Griffiths, Cambr., 1970.

G. Parthey, Plutarch über Isis und Osiris, B., 1850; Th. Hopfner, Plutarch über Isis und Osiris, Orientalisches Inst. in Prag, Monographien des Archiv Orientální, IX, 1–2, Prag, 1940–1941.

M. Meunier, Plutarque, Isis et Osiris, P., 1924.

V. Cilento, Plutarco: Diatriba Isiaca e Dialoghi Delfici, Firenze, 1962.

Русский перевод трактата появляется ныне впервые. В основу его положено тойбнеровское издание Plutarchi Chaeronensis Moralia, rec. C. N. Bernardakis, II, Lipsiae, 1889, текст 5-го тома левовской серии (1936 г.) и издание Гриффиса, комментарий которого был использован для большей части прилагаемых нами примечаний и данного предисловия⁵.

Специальные исследования отдельных аспектов трактата «Об Исиде и Осирисе» можно найти в следующих сочинениях: A. Torhoudt, Een onbekend gnostisch systeem in Plutarchus' De Iside et Osiride, Lovanii, 1942; G. Soury, La Demoaologie de Plutarque, P., 1942; D. Babut, Plutarque et le stoïcisme, P., 1969; J. Hani, La religion égyptienne dans la pensée de Plutarque. Lille, 1972; H. D. Betz, Plutarch's theological writings and early Christian literature, Leiden, 1975.

⁵ Перевод чисел и месяцев Плутархова египетского календаря в даты современного летосчисления дает далеко не точные результаты, поэтому в наших примечаниях соответствующие ссылки почти отсутствуют. Попытка согласования дат представлена в таблице Хопфнера (ук. соч., II. стр. 291–295); менее определенные, но более надежные хронологические выкладки содержатся в комментариях Грпффиса.

ОБ ИСИДЕ И ОСИРИСЕ

Всяких благ, Клея⁶, люди, имеющие разум, должны просить у богов, более же всего мы желаем и молим получить от них знание о них самих насколько, это доступно людям; ибо и человек не может принять ничего более великого, и бог даровать ничего более священного, чем истина. Все остальное, в чем нуждаются люди, бог дает им полностью, разума же и мудрости — часть, владея и распоряжаясь ими как своей особой собственностью. Ибо божество блаженно не золотом и серебром и сильно не громами и молниями, но способностью постигать и знанием. Гомер провозгласил это прекраснее всего того, что он говорил о богах:

Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал⁷.

Он ясно изрек, что превосходство Зевса более свято, ибо старше знание и мудрость его. И я полагаю, что в той вечной жизни, которая суждена богу, блаженство состоит в том, что его знание ничего не упускает из происходящего, а если бы отнято было познание и постижение сущего, то бессмертие было бы не жизнью, но временем.

2. Поэтому устремленность к истине, особенно касающейся богов, есть тяга к божественному, ибо она содержит изучение, исследование и восприятие вещей священных и является делом более святым, чем любое очищение и служение в храме; не менее приятна она и богине, которой ты служишь, небывало мудрой и расположенной к мудрости, само имя которой, как представляется, говорит о том, что более всего ей присущи способность познавать и знание. Ибо Исида — греческое имя, так же как имя Тифона⁸, который, будучи врагом Исиды, беснуется в своем невежестве и лживости и разрывает, и уничтожает священное слово⁹, которое богиня собирает, соединяет и передает посвященным в таинства; и посвящение, предписывающее постоянно умеренный образ жизни и воздержание от многих видов пищи и любовных усад, ослабляет разнузданность и любовь к наслаждениям и приучает людей пребывать в служении непреклонными и суровыми, целью чего является постижение Первого, Владычествующего и доступного только мысли; богиня призывает искать его, и он пребывает вместе с ней, рядом с ней и в связи с ней. Название же храма, бесспорно, возвещает о постижении и знании сущего: он именуется Исейон¹⁰ в знак того, что мы познаем сущее, если разумно и благочестиво приблизимся к святыням богини.

3. Более того, многие пишут, что Исида — дочь Гермеса, и многие — будто она дочь Прометея¹¹, потому что считают последнего изобретателем мудрости и предвиденья, а Гермеса — грамматики и музыки. Поэтому в Гермополе первую из муз называют одновременно Исидой и Справедливостью, ибо она, как я уже говорил, мудра и открывает божественное тем, которые правильно и справедливо зовутся гнерофорами и гиеростолами¹². Это они несут и укрывают в душе, как в ларце, священное слово о богах, чистое от всякого суеверия и суетности, приоткрывая лишь некоторые части своего учения, то окутанные мраком и затененные, то ясные и светлые, как те символы, что явлены в священных одеяниях. Поэтому когда в них обряжают умерших жрецов Исиды, то это есть знак того, что То Слово пребывает с ними и что, владея только им и ничем больше, они отходят в иной мир. Но как не борода и ношение рубища. Клея, делают философов, так не создают жрецов Исиды льняное платье и бритые волосы. Ибо истинным служителем Исиды является тот, кто всегда по правилам вос-

⁶ Дельфийская жрица. Ей же посвящен трактат Плутарха «О доблести женщин».

⁷ Нот., II. XIII. 354. Перевод Н. И. Гнедича (Гомер. Илиада. Л., 1056).

⁸ Плутарх ошибается: Исида — египетское имя. Тифон — греческое божество, отождествленное с Сетом. Плутарх производит Ἰσις от οἶδα — знать. Τυφών — τυφῶν от τυφῶ — дымить, жечь; беситься, чваниться.

⁹ Здесь под священным словом (логосом), очевидно, подразумевается Осирис.

¹⁰ Ищет в этом слове корни от οἶδα и ὄν (сущее).

¹¹ В египетской традиции Исида — дочь Геба (греческая параллель — Крон) или Тота (Гермеса).

¹² Хранители священных сосудов и облачений.

принимает все, что говорят о богах и что во имя их совершают, исследуя это разумом и рассуждая о заключенной в этом истине.

4. Однако большинству людей непонятны даже такие самые общеизвестные и незначительные правила: почему жрецы удаляют волосы и носят льняные одежды¹³. Некоторые вообще не заботятся знать это, другие же говорят, что жрецы отказываются как от шерсти, так и от мяса потому, что они почитают овцу, бреют голову в знак скорби, а лен носят из-за цвета, который он испускает во время цветенья и который голубизной подобен воздуху, окружающему мир. Но истинная причина для всего этого одна: недозволено, как говорит Платон, нечистому касаться чистого¹⁴. Отходы же пищи и всякие отбросы не чисты и не почтенны. А принадлежащие к отходам шерсть, пух, волосы и ногти рождаются и растут. И смешно было бы, если бы жрецы, удаляя при очистительных обрядах свои собственные волосы, выбривая и полируя все тело целиком, надевали бы и носили волосы животных. Надо полагать, что Гесиод, когда он говорит:

На пятипалом суку среди цветущего пира бессмертных
Светлым железом не надо с зеленого срезывать суши¹⁵

— учит, что следует приступать к празднику, очистившись от всего этого, а не прибегать к очищению и удалению излишков во время священных церемоний. Что же касается льна, то он рождается из бессмертной земли, производит съедобное семя и поставляет простую и чистую одежду, не отягощающую защитой; она пригодна для всякого времени года и, как говорят, менее всего плодит вшей. Но это уже разговор иной.

5. Жрецы питают такое отвращение к природе отходов, что не только отказываются от многих видов бобов, от овечьего и свиного мяса, но во время очистительных обрядов удаляют из пищи и соль, для чего есть много оснований, но также то, что соль, возбуждая аппетит, заставляет больше есть и пить. А считать соль нечистой из-за того, что в ней, когда она застывает, как утверждает Аристагор¹⁶, увязают и погибают малые существа — глупо. Говорят также, что Аписа поят из особого колодца и вообще не подпускают к Нилу, и это не потому, что считают воду нечистой из-за крокодилов, как думают некоторые: ничто египтяне так не почитают, как Нил: но считается, что нильская вода, когда ее пьют, вызывает тучность и ожирение. Жрецы не желают этого ни Апису, ни себе, но хотят, чтобы их тела удобно и легко обволакивали души и чтобы божественное не было стеснено и обременено смертным началом, которое бы одолевало и отягощало его.

6. Что касается вина, то из тех, кто служит богу в Гелиополе, одни вообще не вносят его в святилище, ибо непристойно пить днем, на глазах владыки и царя, другие употребляют его, но мало. И у них есть много празднеств, когда вино под запретом, когда они проводят время, предаваясь мудрости, учась и уча божественному. И цари, сообразуясь со священными предписаниями, пьют определенное количество, как пишет Гекатей¹⁷ ибо они — жрецы. Начали пить вино со времен Псамметиха¹⁸, а сначала его не пили и не совершали им возлиянии как чем-то приятным богам; напротив, вино считают кровью тех, кто некогда воевал с богами; когда они пали и смешались с землей, из них, якобы, произросла лоза. Поэтому пьянство делает людей бешеными и безумными, словно они наполнились кровью предков. Эвдокс¹⁹ во второй книге «Описания земли» утверждает, что именно так об этом рассказы-

¹³ Herod., II. 37, 81.

¹⁴ Phaedo 67b.

¹⁵ Hesiod., Opp. 7–12. Перевод В. Вересаева (Эллинские поэты. М., 1929).

¹⁶ Аристагор из Милета, историк IV в. до н. э., автор труда о Ниле. FHG II, стр. 99, fr. 7: FGrHist. III C, № 608, fr. 7.

¹⁷ Гекатей из Абдер, философ и историк, участник похода Александра Македонского. Написал сочинение о Египте. FHG II, стр. 389, fr. 10; FGrHist. III A, № 264, fr. 5: Vors. I, № 60. B11.

¹⁸ Первый фараон XXVI династии (664–610 гг. до н.э.). Египетские предания и археология опровергают такую позднюю датировку.

¹⁹ Эвдокс Книдский (около 408–355 гг. до н.э.) — математик, астроном, географ. Fr. 300.

вают жрецы.

7. Также морскую рыбу отвергают не всякую, но некоторые ее виды, например, оксиринхиты — рыбу, пойманную на крючок. Ибо они почитают оксиринха²⁰ и боятся, что крючок может оказаться нечистым из-за того, что осетр клевал на него. А сиэниты избегают фара²¹, потому что считается, что он приходит одновременно с подъемом Нила и, являясь взорам как добровольный глашатай, возвещает радостным людям о разливе. Жрецы же воздерживаются от всякой рыбы. В девятый день первого месяца, когда все остальные египтяне едят жареную рыбу у своих наружных дверей, жрецы, не отведав блюда, жгут ее у ворот, имея на то два объяснения; об одном из них, священном и тонком, я расскажу потом²²: оно относится к высшему учению об Осирисе и Тифоне; второе, ясное и доступное, гласит, что рыбные блюда не являются необходимой и простой пищей, а в свидетели берется Гомер, у которого и изнеженные феакийцы, и жители Итаки, островной народ, не пользовались рыбой, так же как и товарищи Одиссея в столь долгом плавании и посреди моря, пока они не впали в крайнюю нужду²³. Вообще египтяне считают, что море выделилось из огня²⁴ и, выходя за пределы мира, является не частью его или элементом, но чуждым ему отбросом, вредным и губительным.

8. Ничего бессмысленного и фантастического, как думают некоторые, ничего, проистекающего от суеверия, не вводят они в священные обряды: одно имеет основанием нравственность и пользу, другое не чуждо тонкостям истории и природы, как, например, то, что связано с луком. Что Диктис, питомец Исиды, хватаясь за лук, упал в реку и утонул — это крайне неправдоподобно. Но жрецы, остерегая себя от лука, брезгуют им и отвращаются от него потому, что только он один вызревает и зацветает при убывающей луне. И неприемлем он для постящихся и празднующих, так как у первых, отведавших его, вызывает жажду, а вторых заставляет плакать. Также и свинью считают они нечистым животным, ибо имеется представление, что чаще всего она спаривается при убывающей луке и что у пьющего ее молоко тело покрывается проказой и нагноениями²⁵. Историю же, которую они рассказывают тогда, когда раз в год, в полнолуние, приносят в жертву и едят свинью, и которая гласит, будто Тифон, преследуя при полной луне кабана, нашел деревянный гроб, где лежали останки Осириса, и разломал его, эту историю признают не все; некоторые считают ее, как и многое другое, пустыми рассказами. О древних же говорят, будто они презирали роскошь, расточительность и наслаждения настолько, что в Фивах, в храме, имеется по слухам стела, исписанная проклятиями царю Миносу²⁶, который первым отучил египтян от умеренного, бескорыстного и простого образа жизни. Говорят еще, что Технакт, отец Бокхориса²⁷, во время похода на арабов, когда запоздал его обоз, с удовольствием отведал первую попавшуюся пищу, а потом, переспав глубоким сном на соломе, возлюбил неприхотливость. По этой причине якобы он проклял Миноса и с одобрения жрецов запечатлел проклятия на стеле. 9. Царей египтяне выбирали из жрецов или воинов, причем военное сословие имело влияние и почести благодаря мужеству, а жрецы — благодаря мудрости. Выдвинувшийся из воинов тотчас делался жрецом и становился причастным к мудрости, окутанной мифами и речениями, несущими в себе смутные проблески и отражения истины: несомненно, по этой

²⁰ Осетра. Strabo, XVII. 40; Aelian., De Nat. Anim. X, 46; Clem. Alex., Protrep. II. 39. 5.

²¹ Aelian., De Nat. Anim. X, 19.

²² См. гл. 32.

²³ Hom., Od. IV, 369; XII, 332.

²⁴ Разнотечение: из гноя. См. Loeb., стр. 18. Ср. Hesiod., Theog. 739: крайние области тьмы, как нечто чуждое этому миру, именуются гнойными. С другой стороны, огненная природа моря характеризует его как стихию Сета-Тифона.

²⁵ Herod., II, 47; Aelian., De Nat. Anim. X, 16; Tac., Hist. V, 4.

²⁶ Diod., I. 45. В египетских источниках нет данных, подтверждающих этот рассказ, но вообще нетрудно понять, почему первый царь первой династии стал символом разрушения древнего, примитивного образа жизни.

²⁷ XXIV династия, 730–715 гг. до н.э.

причине они символически выставляют перед храмами сфинксов²⁸ в знак того, что тайную мудрость заключает в себе их учение о божественном. А в Саисе изображение Афины, которую они называют Исидой, имеет такую надпись: «Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрыва». Также многие полагают, что собственно египетское имя Зевса — Амун (или Аммон, как неправильно произносим мы). Себенит же Манефон считает, что это слово означает «сокрытый» или «сокрытие»²⁹. А Гекатей из Абдер³⁰ говорит, что египтяне употребляют это выражение в беседе, когда обращаются к кому-нибудь, ибо оно и есть обращение. Поэтому когда они взывают к высшему божеству, которое они считают тождественным всеобщности и как бы незримым и сокрытым, когда молят его показаться и обнаружить себя для них, то они произносят «Амун». Таково благоговение египтян перед мудростью, касающейся дел божественных. 10. Дают нам свидетельства и мудрейшие из эллинов — Солон, Фалес, Платон, Эвдокс, Пифагор и, как некоторые утверждают, Ликург, которые приезжали в Египет и общались с жрецами³¹. Говорят, что Эвдокс учился у Ксонофея из Мемфиса, Солон — у Сонхита из Саиса, Пифагор — у гелиополиита Ойнуфея. Особенно, кажется, этот последний, восхитительный сам и восхищавшийся жрецами, подражал их таинственной символической, облекая учение в иносказание. Большинство предписаний пифагорейцев ничем не отличается от так называемых иероглифических писем, например: не принимать пищу, сидя на колеснице; не есть свой хлеб в праздности³²; не сажать пальму; не разжигать в доме огонь ножом³³. И я, со своей стороны, полагаю: то, что эти люди называют единицу Аполлоном, двойку Артемидой, семерку Афиной, а куб — Посейдоном — это все сходно с обрядами, изображениями, и, клянусь Зевсом, письменами в египетских храмах. Ибо, например, царя и владыку Осириса они изображают с помощью глаза и скипетра. Причем некоторые толкуют его имя как «многоглазый»³⁴, потому что «ос» по-египетски значит «мною», а «при» — «глаз». Небо же, так как оно, будучи вечным, не стареет, они изображают знаком сердца с курильницей под ним³⁵. А в Фивах были выставлены безрукие изображения судей, причем статуя главного судьи — с сомкнутыми веками в знак того, что справедливость неподкупна и беспристрастна³⁶. Символом воинов было резное изображение скарабея, ибо у скарабеев нет самок, но только самцы³⁷. Детенышей же они рожают в веществе, которое скатывают в шар, заботясь о средстве питания не менее, чем о месте рождения.

11. Итак, Клея, когда ты слушаешь те мифы, в которых египтяне рассказывают о богах, об их блужданиях, растерзаниях и многих подобных страстях, то следует помнить о том, что сказано раньше, и не думать, будто что-либо из этого произошло и случилось так, как об этом говорят. Гермеса, например, называют собакой³⁸ не в собственном смысле слова, но, как говорит Платон³⁹, связывают с хитроумнейшим из богов бдительность этой твари, ее неутомимость и мудрость, ибо она различает дружественное и враждебное по своему знанию или незнанию предмета. И никто не думает, что солнце, как новорожденное дитя, поднимается из

²⁸ Очевидно, имеются в виду не только сфинксы в виде льва с человеческой головой не изображения звероголовых богов вообще.

²⁹ Верная этимология.

³⁰ FHG II, стр. 389, fr. 9; FGrHist. III A, № 264, fr. 4; Vors. I, № 60, B8.

³¹ Diod., I, 96; 98; Clem. Alex., Stromata I, 69, 1.

³² Выражение, дословно не воспроизводимое.

³³ Смысл: не разжигать ссор?

³⁴ Diod., I, 11.

³⁵ Ср. Noгарollo, Hierogl. I. 22: сердце над дымящейся курильницей — обозначение Египта. Разночтение, основанное на вставке: небо... они изображают знаком кобры, а страсть — знаком сердца с курильницей под ним. См. Griffiths, стр. 132.

³⁶ Diod., I. 48. Изображения такого рода, действительно, существуют.

³⁷ Aelian., De Nat. Anim. X. 15; Porphir., De Abstin. IV, 9.

³⁸ Гермеса отождествляли с собакоподобной обезьяной Титом (общая причастность к мудрости) и с шакалом Анубисом (общая связь с преисподним миром).

³⁹ Resp. 375e.

лотоса, но так на письме изображают его восход, символически обозначая, что воспламенение солнца происходит от воды. Также Оха, самого жестокого и грозного из персидских царей, который убил многих и, наконец, зарезал и съел с друзьями Аписа⁴⁰, прозвали мечом, как до сих пор именуют его в каталоге царей; и я полагаю, что таким образом обозначают не отдельное собственно лицо, но сравнивают с орудием убийства жестокость и испорченность характера. Итак, если ты будешь внимать историям о богах подобным образом и будешь выслушивать их от тех, кто толкует миф благочестиво и мудро, если ты всегда будешь исполнять и блюсти предписанные обряды, понимая, что нет для богов более приятного дела и более приятной жертвы, чем истинное представление об их природе, тогда избежишь ты суеверия, которое является злом не меньшим, чем безбожие.

12. А вот и сам миф в пересказе по возможности самом кратком, с удалением всего ненужного и лишнего. Говорят, что когда Гелиос узнал о том что Рея тайно сочелась с Кроном, он изрек ей проклятие, гласящее, что она не родит ни в какой месяц и ни в какой год. Но Гермес, влюбленный в богиню, сошелся с нею, а потом, играя с луной в шашки, отыграл семидесятую часть каждого из ее циклов, сложил из них пять дней и приставил их к тремстам шестидесяти; и до сих пор египтяне называют их «вставленными» и «днями рождения богов»⁴¹. Рассказывают, что в первый день родился Осирис, и в момент его рождения некий голос изрек: владыка всего сущего является на свет. Иные же говорят, что некто Памил, черпавший воду в Фивах, услышал из святилища Зевса голос, приказавший ему громко провозгласить, что родился великий царь и благодетель — Осирис; за это якобы он стал воспитателем Осириса, которого ему вручил Крон, и в честь него справляют праздник Памилий. напоминающий фаллические процессии⁴². На второй день родился Аруэрис, которого называют Аполлоном, а некоторые также старшим Гором⁴³. На третий день на свет явился Тифон, но не во-время и не должным образом: он выскочил из бока матери, пробив его ударом. На четвертый день во влаге родилась Исида; на пятый — Нефтида, которую называют Концом и Афродитой, а некоторые — Победой. Миф гласит, что Осирис и Аруэрис произошли от Гелиоса, Исида — от Гермеса, а Тифон и Нефтида — от Крона. Поэтому цари считали третий из вставленных дней несчастливым, не занимались в это время общественными делами и не заботились о себе до ночи. И рассказывают, что Нефтида стала женою Тифона, а Исида и Осирис, полюбив друг друга, соединились во мраке чрева до рождения. Некоторые говорят, что от этого брака и произошел Аруэрис, которого египтяне называют старшим Гором, а эллины — Аполлоном⁴⁴.

13. Рассказывают, что, воцарившись, Осирис тотчас отвратил египтян от скудного и звероподобного образа жизни, показал им плоды земли и научил чтить богов; а потом он странствовал, подчиняя себе всю землю и совсем не нуждаясь для этого в оружии, ибо большинство людей он склонял на свою сторону, очаровывая их убедительным словом, соединенным с пением и всевозможной музыкой. Поэтому греки отождествили его с Дионисом⁴⁵. И говорят, что Тифон в его отсутствие ничего не предпринимал, потому что Исида, обладая

⁴⁰ Имя Оха носили Дарий II (423–404 гг. до н.э.) и Артаксеркс III (359–338 гг. до н.э.). В убиении Аписа обвиняли Камбиза и Артаксеркса (Aelian., Var. Hist. IV, 8: De Nat. Anim. X. 28; Herod., III. 20).

⁴¹ Рея и Крон соответствуют Нут и Гебу (земля и небо), Гелиос — Атуму-Ра (солнце). Египетские мифы знают в качестве супруга Нут Геба, но имеются изображения вхождения солнечного диска в тело Нут. Тот (Гермес) — изобретатель шашек и лунное божество.

⁴² Происхождение имени Памила неизвестно. Не исключено, что оно появилось в результате искаженного употребления титула жреца, служителя фаллического культа. Возможно также, что Памил — древний эпитет Осириса.

⁴³ В египетских текстах не различаются старший и младший Гор. Аруэрис (Харур) — «великий Гор», Гор царского культа. Возможно, Плутарх спутал значения «великий» и «старший».

⁴⁴ Отождествление Гора и Аполлона произошло из-за причастности обоих к солнечному культу.

⁴⁵ Diod., I, 17 сл. Цивилизаторская миссия Осириса является заимствованием из дионисийских мифов. Древнейший Осирис — олицетворение царской власти и бог мертвых, позднее он превращается в божество зерна и плодородия.

всей полнотой власти, очень старательно стерегла его и наблюдала за ним⁴⁶, по возвращении же Осириса стал готовить ему западню, втянув в заговор семьдесят два человека и имея сообщницей эфиопскую царицу по имени Асо⁴⁷. Он измерил тайно тело Осириса, соорудил по мерке саркофаг, прекрасный и чудесно украшенный, и принес его на пир. В то время как это зрелище вызвало восторг и удивление, Тифон как бы в шутку предложил преподнести саркофаг в дар тому, кто уляжется в него по размеру. После того как попробовали все по очереди и ни одному гостю он не пришелся впору, Осирис вступил в гроб и лег. И будто заговорщики подбежали, захлопнули крышку и, заколов ее снаружи гвоздями, залили горячим свинцом, затащили гроб в реку и пустили в море у Таниса, через устье, которое поэтому и теперь еще египтяне зовут ненавистным и мерзким. Говорят, что это случилось в семнадцатый день месяца Афира⁴⁸, когда солнце пересекает созвездие Скорпиона, в двадцать восьмой год царствования Осириса. Иные же утверждают, что это срок его жизни, а не царствования.

14. Так как первыми о случившемся узнали и разгласили это событие паны и сатиры, обитавшие в местности у Хеммиса⁴⁹, то и теперь еще неожиданное смятение и страх толпы называют паникой. Говорят, что Исида, получив весть, тотчас отрезала одну из своих прядей и облачилась в траурное покрывало там, где до сих пор город носит имя Копт⁵⁰. Другие же полагают, что название это означает «утрата», ибо говорят «коптейн» в смысле «утратить». Рассказывают, что она блуждала всюду и никого не пропускала без вопроса: также встретив детей, она спросила их о гробе. Случайно они видели его и назвали устье, через которое друзья Тифона вытолкнули ковчег в море. Поэтому египтяне думают, что дети обладают даром предсказания и чаще всего ищут у них пророчеств, когда они играют в священных местах и болтают, что придется. А когда Исида узнала, что любящий Осирис по ошибке сочетался с ее сестрой как с ней самой, и увидела доказательство этого в венке из лотоса, который он оставил у Нефтиды, то она стала искать дитя, ибо Нефтида, родив, тотчас удалила его из страха перед Тифоном; ребенок был найден с большим трудом и с помощью собак, которые вели Исиду; она вскормила его, и он, названный Анубисом, стал ее защитником и спутником, и говорят, что он сторожит богов как собаки — людей.

15. И потом, как рассказывают, она узнала о саркофаге, что море пригнало его к берегу Библа⁵¹ и прибой осторожно вынес его в заросли вереска. А вереск, в малое время выросши в огромный и прекрасный ствол, объял и охватил его, и укрыл в себе⁵². Царь удивился размерам растения и, срубив сердцевину, содержащую невидимый взору гроб, поставил ствол как подпорку для крыши. Говорят, что Исида, узнав об этом от божественного духа молвы, явилась в Библ, села у источника, смиренная и заплаканная, и не говорила ни с кем, но только приветствовала служанок царицы, ласкала их, заплетала им косы и навевала от себя на их тело удивительный аромат. Лишь только царица увидела служанок, как в ней возникло влечение к незнакомке, волосам и телу, источающему благовоние. За Исидой послали, а когда она прижилась, ее сделали кормилицей царского сына, и говорят, что имя того царя было Малькандр, а царицу одни называют Астартой, другие — Саосис, а третьи — Неманус; эллины же называли бы ее Атенаидой⁵³.

16. Предание гласит, что Исида выкармливала дитя, вкладывая ему в рот вместо груди палец, а ночью выжигала огнем смертную оболочку его тела; сама же, превращаясь в ласточ-

⁴⁶ В египетских источниках не упоминается регентство Исиды.

⁴⁷ Трудно объяснимое имя. В мероитских надписях Asi — Исида. О союзниках Тифона египетские источники говорят часто, но никогда не называют их число.

⁴⁸ 13 ноября.

⁴⁹ Паны и сатиры попали сюда из дионисийских мифов. См. Diod., I. 18.

⁵⁰ *κόπτω* — отрезать, причитать. Отрезанная прядь полос — черта греческого траурного обряда.

⁵¹ Apollod., Biblioth. II. 1, 3. История Исиды в Библие полна деталей, встречающихся в гомеровском гимне Деметре. См. Hom. Hymn. Dem. V.

⁵² Вереск — кустарник, но есть редкий сорт древовидного вереска.

⁵³ Малькандр соответствует финикийскому Молькарту. Астарта — не только богиня, но мифическая правительница Финикии. Остальные имена не поддаются объяснению.

ку, с жалобным криком вилась вокруг колонны — и так до тех пор, пока царица не подстергла ее и не закричала при виде ребенка в огне, лишив его тем самым бессмертия. Тогда избалованная богиня выпросила столп из-под кровли; легко освободив его, она расщепила вереск, а потом, закутав его в полотно и умастив миром, вручила царю и царице; и теперь еще жители Блбла почитают дерево, положенное в святилище Исиды⁵⁴. И рассказывают, что она пала на гроб и возопила так, что младший сын царя тут же умер, а старшего она якобы забрала с собой и, поместив гроб на судно, отплыла. Но так как река Федр перед зарей выпестовала в себе бурный ветер, она разгневалась и иссушила русло.

17. И вот в первом же пустынном месте, оставшись наедине с собой, она открыла саркофаг и, припав лицом к лицу, стала целовать и плакать. А когда она заметила ребенка, тихо подошедшего сзади и наблюдавшего это, то оглянулась и бросила на него ужасный и гневный взгляд; мальчик не вынес потрясения и умер. Другие рассказывают не так, но говорят, что ребенок, как я об этом упоминал раньше⁵⁵, упал в море и что в честь богини ему оказывают почести: якобы он — тот самый Манерос, которого египтяне воспевают на пирах⁵⁶. А некоторые утверждают, что мальчика звали Палестин или Пелузий и что он дал имя городу, основанному богиней. Они заявляют, что Манерос, упоминаемый в песнях, первым изобрел музыку. Третьи говорят, что это не чье-то имя, но выражение, употребляемое в кругу пьющих и пирующих людей: да будет все это к счастью! И якобы когда египтяне хотят сказать что-либо похожее, они всякий раз восклицают: Манерос! Так что, несомненно, фигурка покойника в ковчежце, которую им показывают, обнося по кругу, служит не напоминанием о смерти Осириса, как полагают некоторые, но, пуская несколько раз неприятного сотрапезника, убеждают самих зрителей пользоваться и наслаждаться настоящим, потому что все скоро станут такими же.

18. И рассказывают, что потом, когда Исида ушла в Бут к сыну Гору, который там воспитывался, и поместила гроб вдали от дороги, Тифон, охотясь при луне, наткнулся на него и, узнав тело, растерзал его на четырнадцать частей и рассеял их. Когда Исида узнала об этом, она отправилась на поиски, переплывая болота на папирусной лодке. По этой причине будто бы крокодилы не трогают плавающих в папирусных челноках, испытывая или страх или, клянусь Зевсом, почтение перед богиней. И потому якобы в Египте называют много гробниц Осириса, что Исида, отыскивая, хоронила каждый его член. Иные же отрицают это и говорят, что она изготовила статуи и дала их каждому городу вместо тела Осириса для того, чтобы Тифону, если бы он победил Гора и стал отыскивать истинную гробницу, пришлось отказаться от этого, так как ему называли бы и показывали много могил. Из всех частей тела Осириса Исида не нашла только фалл, ибо он тотчас упал в реку и им кормились лепидоты, фагры и осетры, которыми гнушаются больше, чем всякой другой рыбой. Исида же, по рассказам, вместо него сделала его изображение и освятила фалл; в честь него и сейчас египтяне устраивают празднества.

19. Потом, как гласит предание, Осирис, явившись Гору из царства мертвых, тренировал и упражнял его для боя, а затем спросил, что он считает самым прекрасным на свете. Когда тот ответил: отомстить за отца и мать, которым причинили зло, — снова спросил, какое животное кажется ему самым полезным для того, кто идет на битву. Услышав в ответ от Гора «конь»⁵⁷, он удивился и стал допытываться, почему конь, а не лев⁵⁸. Тогда Гор сказал, что лев нужен тем, кто нуждается в защите, а конь нужен, чтобы отрезать и уничтожить бегущего врага. Услышав это, Осирис обрадовался, ибо Гор был совсем готов для борьбы. И рассказывают, что, в то время как непрерывно многие переходили на сторону Гора, явилась к нему

⁵⁴ В храме Астарты в Библе совершались обряды в честь Адониса, включавшие в себя поклонение обелиску.

⁵⁵ Гл. 8?

⁵⁶ Согласно Геродоту (II. 79). Манерос — безвременно умерший сын первого египетского царя.

⁵⁷ Разночтение: волк. См. Loeb. стр. 46.

⁵⁸ Ни один народ не применял льна м качестве боевого животного. Видимо, Плуарха ввели в заблуждения изображение фараона в виде льва: лев — символ царя в бою.

и наложница Тифона Туэрис и что змею, которая ее преследовала, убили друзья Гора; и до сих пор в память этого бросают веревку и перерубают ее посередине⁵⁹. Что касается сражения, то оно будто бы продолжалось много дней, и победил Гор. Исида же, получив скованного Тифона, не казнила его, но развязала и отпустила. У Гора не хватило терпения снести это: он поднял на мать руку и сорвал с головы ее царский венец. Но Гермес увенчал ее рогатым шлемом⁶⁰. Затем Тифон предъявил Гору обвинение незаконнорожденности, но при защите Гермеса Гор был признан богами законным сыном, а Тифон потерпел поражение еще в двух битвах. Осирис же сочетался с Исидой после смерти, и она произвела на свет Гарпократа родившегося преждевременно и имевшего слабые ноги⁶¹.

20. Таково примерно главное содержание мифа, если опустить предосудительные истории, например рассказ о растерзанном Горе и обезглавленной Исиде⁶². Когда такое говорят и так учат о природе вечной и бессмертной, в которой более всего познается божество, как будто воистину такое случилось и происходило, тогда, как говорит Эсхил⁶³, «надо плюнуть и очистить рот». Но об этом тебе несколько не стоит напоминать. И сама ты негодуешь на тех, кто придерживается такого беззаконного и варварского учения о богах. Но ты также знаешь, что не совсем похоже все это на убогие рассказы и пустые фантазии поэтов и логографов, которые, как пауки сплетают и тянут порожденную из себя произвольную основу, но что есть здесь отголоски рассказов и преданий о бывших событиях. И как математики говорят, что радуга — это отражение солнца, расцвеченное преломлением взгляда в облаке, так и миф у нас — изображение некоего понятия, переводящего мысль на другое; на это намекают обряды, содержащие траур и тем выражающие скорбь, а также устройство храмов⁶⁴, частью выходящих в боковые галереи и светлые, открытые коридоры, а частью имеющие под землей тайные темные ризницы, подобные пещерам и ризницам фиванских храмов. Не менее сложно и учение о гробницах Осириса, тело которого, по преданию, покоится во многих местах. Говорят, что Диохетисом называется тот единственный городок, который владеет настоящим телом; но и в Абидосе чаще всего хоронят богатых и могущественных египтян, потому что они якобы ищут чести лежать в одной земле с телом Осириса. А в Мемфисе выкармливают Аписа, который представляет собой образ его души; там же будто бы покоится и тело. А название города одни толкуют как «пристанище добра», другие по-своему: «гробница Осириса». Говорят еще, что около Фил⁶⁵ есть островок, во всякое иное время нетревожимый и запретный для каждого: и не залетают на него птицы, и не приближается к нему рыба; но в определенный срок жрецы переправляются на него, приносят заупокойные жертвы и украшают венками надгробие, осененное деревом мефиды, которое превосходит размерами любую оливу.

21. Но хотя в Египте и называют много гробниц Осириса, Эвдокс утверждает⁶⁶, что тело покоится в Бусирисе, потому что этот город был родиной Осириса: ведь не нуждается в объяснении слово Тафосирис — само это имя заключает в себе название гробницы Осириса. А об обрядах рассечения дерева, разрывания льна и заупокойного возлияния я умалчиваю, потому что к ним примешано много сокровенного. И не только об этих богах, но также обо всех других, не входящих в число нерожденных и бессмертных, жрецы рассказывают, что у

⁵⁹ Туэрис — богиня-гиппопотам Tawert. Самки гиппопотамов считались благими существами в отличие от самцов — животных Сета.

⁶⁰ В египетском мифе Гор обезглавливает мать, после чего Тот приделывает Исиде коровью голову. Греки иногда отождествляли Исиду с Ио.

⁶¹ В египетских источниках Гарпократ — это Гор-ребенок.

⁶² Есть предание о том, как Исида отрезала Гору руки. Причина расправы неизвестна, но она может быть соотнесена с рассказом о насилии Гора над матерью. В число опущенных Плутархом предосудительных историй входит и известие о любовных домогательствах Сета по отношению к Гору.

⁶³ Mette. fr. 310b.

⁶⁴ Strabo. XVII. 1, 28

⁶⁵ Diod., I, 22.

⁶⁶ Fr. 291.

них хранятся набальзамированные тела, за которыми ухаживают, а души богов сияют в небе звездами, и что созвездие Исида, которое у египтян зовется Софис, греки называют Псом, созвездие Гора — Орионом, а Тифона — Медведем⁶⁷. Еще рассказывают, что все египтяне приносят предписанные продукты для гробниц почитаемых животных и ничего не дают одни фиванцы, ибо они не чтут никакого подверженного смерти бога, но только того, кого они называют Кнеф⁶⁸, — несотворенного и бессмертного.

22. Так рассказывают и так представляют дело многие, но есть и такие, которые полагают, что все это — воспоминания о великих и удивительных делах и страданиях царей и тиранов, которые за выдающуюся доблесть или могущество приписали себе славу божественного имени и которые затем претерпели от судьбы. Эти люди используют малейшее отступление от рассказа, чтобы благо разумно перенести дурную славу с богов на людей; при этом им помогают сами предания, ибо египтяне рассказывают, что Гермес был короткоруким, Тифон — красным, Гор — белым, а Осирис — темнокожим, как если бы природа их была человеческой⁶⁹. К тому же Осириса именуют полководцем, а Канона — кормчим, того самого, который, по их словам, дал имя звезде⁷⁰. Судно же, которое эллины называют Арго и которое является образом корабля Осириса⁷¹, якобы почетно помещено среди звезд и не далеко отстоит от созвездий Ориона и Пса, почему египтяне и считают, что первое посвящено Гору, а второе — Исиде.

23. Но я боюсь, как бы не сдвинулось неподвижное и не началась «война не только со многими временами» (как сказал Симонид)⁷², но и «со многими племенами человеческими» и народами, преданными вере в этих богов; ведь люди не перестают сводить с неба на землю столь великие имена и подрывать и уничтожать благочестие и веру, вложенную почти в каждого с самого рождения, и тем открывать ворота чудовищу безбожия⁷³ и очеловечивать богов, и давать волю плутням Эвгемера из Мессены⁷⁴, который, сам составив копии не внушающих доверия и поддельных мифов, рассеивает по всей земле неверие, потому что он произвел имена всех предполагаемых богов скопом от имен полководцев, навархов и царей, живших в древние времена и запечатленных золотыми письменами в Панхоте; а письма эти, как и должно, не находил ни один варвар и ни один эллин, но только Эвгемер, доплывший до Панхотов и Трифиллий, которых никогда и нигде на свете не было и не существовало.

24. Ведь прославляют в Ассирии великие дела Семирамиды, а в Египте — Сезостриса; а у фригийцев до сих пор блистательные и удивительные деяния называют «маника», потому что у них в древности в числе царей был некий Манес, муж благородный и могущественный, коего некоторые называют Масдесом⁷⁵. Победителями и почти до края света провел персов Кир, македонян — Александр, однако они стяжали имя и память добрых царей. Если же некоторые, вознесшись в кичливости и, как говорит Платон⁷⁶, разжигая в гордыне душу юным

⁶⁷ Обычно астральные сферы богов распределялись следующим образом: Ра — солнце, Гор — небо (луна и солнце — его очи), Осирис — Орион, Сет — Большая Медведица.

⁶⁸ Кнеф — имя древнего фиванского бога-змея, чей культ слился с культом Амона.

⁶⁹ Согласно египетскому мифу, Тот вмешался в борьбу Сета и Гора на стороне последнего, и Сет оторвал ему руку, которая затем возродилась вновь. Черный цвет — цвет плодородной земли, белый — Верхнего Египта, красный — Нижнего Египта и пустыни.

⁷⁰ Кано — кормчий Менелая, погибший в Египте.

⁷¹ Некоторые исследователи предполагают египетское происхождение названия созвездия Арго, так как представление о небесных судах характерно именно для египтян, а не греков.

⁷² Bergk, III, fr. 193.

⁷³ Дословно: лью безбожия. Но. может быть, «лев» здесь — намек на имя собственное. Некий Леон из Пеллы, современник Александра Македонского, написал исследование о египетских богах в духе Эвгемера. FHG II, стр. 331.

⁷⁴ Жил в Македонии, при дворе Кассандра. FGrHist. I. № 63, стр. 301.

⁷⁵ Сезострис — обобщенный образ Сенусертов Среднего Царства. Манес — мифический царь лидийцев (по Плутарху — фригийцев). Herod., I. 94; IV. 45.

⁷⁶ Неточная цитата из Legg. 716a.

жаром и неразумием, приняли имена богов и настроили храмы, то слава их процветала короткое время, а затем они, стяжав себе своим кощунством и беззаконием суетную хвалу, «недолговечные, подобные дыму, поднимаются и исчезают»⁷⁷ и теперь, как преступные беглецы, изгоняются из храмов и от алтарей и ничего не имеют, кроме могил и памятников. Поэтому Антигон Старший, когда некий Гермодот провозгласил его в стихах сыном солнца и богом, сказал: «а раб, выносящий за мной горшки, так обо мне не думает». И справедливо скульптор Лисипп порицал художника Апеллеса за то, что тот, создавая портрет Александра, дал ему в руки молнию, тогда как сам Лисипп — копье, славу которого, как вещи настоящей и принадлежавшей Александру, не уничтожит никакое время.

25⁷⁸. Однако лучше всего суждение тех, кто пишет, что истории о Тифоне, Осирисе и Исиде касаются страданий не богов или людей, но великих демонов, о которых Платон⁷⁹, Пифагор⁸⁰, Ксенократ⁸¹ и Хрисипп⁸², следуя древним толкователям божественного, рассказывают, что они были сильнее людей и мощью намного превосходили нашу природу, но не обладали божественным естеством в чистом и беспримесном виде; напротив, так как их естество причастно к природе души и ощущениям тела и воспринимает наслаждение и боль, то их тревожат все несчастья, происходящие при таких переходах,— одних больше, других меньше. Так же у демонов, как и у людей, существует различие между добродетелью и пороком. Подвиги гигантов и титанов, воспеваемые эллинами, и некие беззаконные деяния Крона⁸³, и сопротивление Тифона Аполлону, и скитания Диониса⁸⁴, и странствия Деметры ничем не отличаются от историй Осириса и Тифона и от других мифов, которые каждый может услышать вдоволь. То же можно сказать и о том, что скрыто в священных мистериях и обрядах и сохраняется от глаз и ушей толпы.

26. Читали мы и у Гомера, как благородных людей он всякий раз именуется по-разному: и «богоподобными», и «богоравными», и «умудренными богами», а сравнение с демонами употребляет равно и для людей достойных и для дурных:

Ближе подойди, подобный демону: зачем наводишь ты такой страх на аргивян?⁸⁵

И опять:

Но в четвертый он раз еще полетевши, как демон...⁸⁶

А также:

Демон! Старец Приам и Приамоны чада какое
Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
Град Илион истребить, благолепную смертных обитель⁸⁷

Таким образом, природа и естество демонов разнородны и неодинаковы. Поэтому Пла-

⁷⁷ Цитата из Эмпедокла (490–430 гг. до н. э.). Vors. I, № 21, В 2.

⁷⁸ Демонология этой главы имеет явно греческое происхождение. Создателем развитой демонологии считается Ксенократ, ученик Платона и глава Академии с 319 по 314 г. до н.э. Большое внимание уделяли учению о демонах стоики. Была создана иерархия: боги — демоны — герои — люди.

⁷⁹ Symp. 202 e.

⁸⁰ Diog. Laert., VIII. 32.

⁸¹ Ксенократ из Халкедона (399–314 гг. до н.э.). см. выше.

⁸² Третий глава стоической школы (около 280–207 гг. до н.э.). SVF II, 1103.

⁸³ Оскопление Урана.

⁸⁴ Имеется ряд разночтений: φυγάι — бегство (Ном., II. VI. 135), φθόροι — кары (история с Понфеем?), φθόρουοι — стенания, φθόνοι — ненависть. См. Loeb, стр. 151.

⁸⁵ II. XIII. 810.

⁸⁶ II. V. 438; XVI. 705; XX, 447. Здесь и далее — перевод Н. И. Гнедича.

⁸⁷ II. IV, 31.

тон⁸⁸ правую сторону и нечетные числа относит к олимпийским богам, а все противоположное — к демонам. Ксенократ же полагает, что несчастливые дни и те печальные празднества, которые предписывают бичевание, плач, пост, поношения и сквернословие, не устраиваются ни в честь богов, ни в честь добрых демонов, но что есть в окружающем пространстве огромные и злобные, своенравные и мрачные существа, которые радуются таким вещам и, получив их, не вмешиваются ни во что. А Гесиод⁸⁹ добрых и благородных демонов величает «священными», «защитой людей», и «приносящими богатство», и «имеющими царские почести». Платон⁹⁰ же называет этот род пророками и посредниками между богами и людьми и говорит, что они относят на небо молитвы и просьбы людей, а оттуда вниз приносят пророчества и благие дары. Эмпедокл⁹¹ говорит, что демоны претерпевают наказания, если они провинились или ошиблись:

Ярость эфира гонит их в море,
Море изрыгает на твердь,
Земля — в жар неугасимого солнца.
А оно — в эфирный вихрь.
Один принимает от другого,
Но всех ненавидят

— и так до тех пор, пока, претерпев наказание и очистившись, они не занимают место и строй в соответствии со своей природой.

27. Такие и подобные им истории рассказывают и о Тифоне: как из зависти и ненависти он совершил ужасные дела и, приведя в расстройство все на свете, наполнил злом всю землю и море⁹² и потом понес наказание. А мстительница, сестра и жена Осириса, обуздав и уничтожив бешенство и ярость Тифона, не пренебрегла борьбой и битвами, которые выпали ей на долю, не предала забвению и умолчанию свои скитания и многие деяния мудрости и мужества, но присовокупила к священнейшим мистериям образы, аллегории и памятные знаки перенесенных ею некогда страданий и посвятила их в качестве примера благочестия и одновременно ради утешения мужчинам и женщинам, которые претерпевают подобные же несчастья. Иона, и Осирис за доблесть из добрых демонов были превращены в богов, как позже Геракл и Дионис, и не без основания принимают они почести, равно причитающиеся богам и демонам, и имеют власть повсюду, но больше всего — над землей и под землей. Говорят, что Сарапис — не кто иной, как Плутон, а Исида — Персефопа⁹³, так утверждает Архемах с Евбеи⁹⁴, понтиец же Гераклид⁹⁵ считает, что оракул в Канопе принадлежит Плутону.

28. А Птолемею Сотеру приснился колосс Плутона в Синопе, хотя царь его не знал и никогда не видел, каков его облик; и колосс приказал доставить его как можно скорее в Александрию⁹⁶. Ничего не ведая о нем и раздумывая, где бы он мог находиться, царь описал видение друзьям, и нашелся один путешественник, Сосибий, заявивший, что видел в Синопе точно такой же колосс, какой привиделся царю. И вот царь отправляет в путь Сотелия и Дионисия, которые, потратив много времени, с трудом и не без божественного содействия похитили и увезли статую. Когда она была доставлена и выставлена для обозрения, то това-

⁸⁸ Legg. 717b.

⁸⁹ Opp. 122, 126.

⁹⁰ Symp. 202e.

⁹¹ Vors. I, № 21, В 115.

⁹² В египетской мифологии Сет далеко не был воплощением мирового зла; главные его роли — божество мрака, бури и пустыни (зноя).

⁹³ Исида отождествлена с Персефоной как жена Осириса-Плутона.

⁹⁴ III в. до н.э. FHG IV, стр. 315, fr. 7; FGrHist. III В, № 424, fr. 6.

⁹⁵ Ученик Платона, автор нескольких исторических сочинений. FHG II, стр. 198.

⁹⁶ Птолемею Сотеру (305–283 гг. до н.э.) приписывают учреждение государственного культа Сараписа. Не ясно, почему Сарапис оказывается связанным с черноморской Синопой. Следует учесть, что *σιουριον* — эпитет Мемфиса. Tac. Hist. IV, 834 Origen, C. Cels. V. 38. Clem. Alex., Protrep. IV. 48. 1.

рищи эксегета Тимофея и Манефона Себенитского рассудили, что это — изваяние Плутона, судя по Церберу и змее; Птолемея же они убеждают, что оно не принадлежит никакому иному богу, кроме Сараписа. Итак, под этим именем статуя прибыла не оттуда, где она находилась, но, будучи помещенной в Александрии, получила египетское имя Плутона — Сарапис. И, конечно, изречение философа Гераклита⁹⁷: «одно и то же Гадес и Дионис, для которого безумствуют и празднуют Линеи» — склоняет к такому же мнению. А те, кто полагает, что Гадесом называется тело, ибо душа в нем как бы пьяна и безумна, — те прибегают к жалким аллегориям. Правильнее Осириса отождествлять с Дионисом, а Сараписа — с тем Осирисом, который получил это имя, когда переменял естество. Поэтому Сарапис сопричастен всем людям, как то известно об Осирисе тому, кто связан с храмовым служением.

29. С другой стороны, не стоит обращать внимания на сочинения фригийцев, в которых говорится, что Сарапис был сыном Харопы, дочери Геракла, а Тифон — сыном Эака и внуком Геракла⁹⁸. Достоин презрения в Филарх⁹⁹, писавший, будто Дионис первым привел из Индии в Египет двух быков, и одного из них имя было Апис, а другого — Осирис. Сарапис же якобы — имя того, кто все упорядочивает, происходящее от «сайрейн» — слова, которое иные толкуют как «украшать» и «упорядочивать». Все это у Филарха — бессмыслица, но еще большая бессмыслица у тех, кто говорит, что Сарапис не бог, а названный этим именем саркофаг Аписа, и что есть в Мемфисе некие медные ворота, называемые вратами Забвения и Плача¹⁰⁰. Они открываются всякий раз, как хоронят Аписа, издавая при этом тягостный и резкий звук. Поэтому якобы, когда звучит любая медная вещь, нас охватывает волнение. Умереннее те, кто утверждает, что имя происходит от «сэбестай» и «сустай» и так или иначе обозначает движение всего сущего. Большинство же жрецов говорят, будто Апис и Осирис — одно, поучая и наставляя нас, что надо считать Аписа воплощенным образом души Осириса. Я со своей стороны полагаю, что если имя Сарапис — египетское, то оно означает «радость» и «веселье», и основываюсь на том, что веселые праздники египтяне называют сайрами. А Платон¹⁰¹ говорит, что Гадес получил свое имя как бог благодетельный и радушный по отношению к тем, кто к нему попадает. К тому же, у египтян есть много и других имен, которые являются названиями; так, подземный мир, в который, по их мнению, души отправляются после смерти, они называют Амент, а имя это означает: «берущий и дающий»¹⁰². Позднее мы рассмотрим, не одно ли это из имен, произошедших и перенесенных из Эллады¹⁰³; теперь же перейдем к следующим частям занимающего нас учения.

30. Итак, Осирис и Исида превратились в богов из добрых демонов, а силу Тифона, сломленную и ослабленную, но еще бунтующую в агонии, унимают и умирят всевозможными жертвами. И, напротив, в определенное время, в праздники, египтяне, глумясь, унижают и оскорбляют рыжих людей, а жители Копта, например, валят с ног осла, потому что Тифон был рыжий и это — ослиный цвет. Бусириты же и ликополиты совсем не пользуются трубой, потому что она ревет как осел. И вообще считается, что из-за сходства с Тифоном осел — животное нечистое и колдовское, и египтяне, приготавливая в месяцы Пауни и Фаофи к празднику жертвенные лепешки, вылепляют на них изображение связанного осла¹⁰⁴. А при совершении обрядов в честь солнца они предписывают священнодействующим не носить на теле золотых вещей и не давать корма ослу. Совершенно очевидно, что и пифагорейцы считают Тифона демонической силой; они говорят, что его рождение соотносится с числом та-

⁹⁷ Гераклит Эфесский, около 530–470 гг. до н.э. Vors. I, № 12, В 15.

⁹⁸ Разночтение: Сарапис был сыном Геракла, Исида — его дочерью, а Тифон — сыном Алкея, сына Геракла. Loeb., стр. 70.

⁹⁹ Историк III в. до н.э. FHG I, стр. 357, fr. 80; FGGrHist. II A, № 81, fr. 78.

¹⁰⁰ Diod., I, 96; Paus., I, 18, 4.

¹⁰¹ Cratyl. 404b.

¹⁰² Амент — эпитет, означающий «владыка запада».

¹⁰³ См. гл. 60.

¹⁰⁴ Сетовы животные: крокодил, гиппопотам, кабан, осел. В греческих папирусах Сет часто изображался в виде человека с ослиной головой.

кого рода — пятьюдесятью шестью. Опять-таки Эвдокс пишет¹⁰⁵, что треугольник соответствует Гадесу, Дионису и Аресу, четырехугольник — Рее, Афродите, Деметре и Гере, двенадцатиугольник — Зевсу, а пятидесятишестиугольник — Тифону.

31. Египтяне, считая, что Тифон был красным, приносят также в жертву рыжих быков, при этом осмотр они производят так тщательно, что, если попадется хоть один белый или черный волос, они считают животное негодным¹⁰⁶: правильно отобранная жертва должна быть не любимой богами, но ненавистной им, поскольку она приняла в себя души нечестивых и неправедных людей, переселившиеся в другие тела¹⁰⁷. Поэтому египтяне призывали на голову жертвы проклятия и, заколов ее, раньше бросали в реку, а теперь отдают чужеземцам¹⁰⁸. На предназначенного в жертву быка ставят клеймо жрецы, именуемые сфрагистами, причем печать, как свидетельствует Кастор¹⁰⁹, имеет резное изображение человека, опустившегося на колени; руки у него связаны за спиной и к горлу приставлен меч. А то, что выпадает, как говорилось выше, на долю осла, это египтяне объясняют сходством его с Тифоном в глупости и упрямстве не меньше, чем сходством в цвете. Поэтому, ненавидя из всех персидских царей более всего Оха как человека преступного и кровожадного, они назвали его ослом. А он, воскликнув: «Не сомневайтесь, этот осел съест вашего быка», — заколол Аписа; так об этом свидетельствует Дейнон¹¹⁰. Те же, кто рассказывает, что Тифон после сражения семь дней спасался бегством на осле, спасся и стал отцом Иерусалима и Иудея, те совершенно очевидно и явно притягивают к мифу иудейскую традицию.

32. Вот на какие соображения наводят эти рассказы. Но приступим к делу по-иному и обратим сначала внимание на тех, кто, как кажется, говорит нечто более философское. К ним относятся учащие, что, как эллины олицетворяют в Кроне — время¹¹¹, в Гере — воздух, а в рождении Гефеста — превращение воздуха в огонь, так у египтян Нил — это Осирис¹¹², сочетавшийся с землей — Исидой, а Тифон — море, в котором Нил, впадая, исчезает и рассеивается, кроме той части, которую принимает и впитывает земля, становясь через нее плодородной. И есть культовая песнь скорби, исполняемая в честь Нила; в ней оплакивается рожденный в пределах левой стороны и погибший в пределах стороны правой, ибо египтяне считают, что восток — это лицо мира, что на севере — правая сторона, на юге — левая. А так как Нил несет воды с юга и на севере поглощается морем, то справедливо говорят, что рождается он в левой стороне, а гибнет — в правой. Поэтому жрецы гнушаются морем и называют соль пеной Тифона; и среди прочих запретов им предписывается не ставить соль на стол. Также не разговаривают они с кормчими, потому что те связаны с морем и живут за его счет. Не в последнюю очередь по этой причине презирают они рыбу и ненависть изображают в виде рыбы. Ибо в Саисе, в преддверии храма Афины, высечены: ребенок, старик, затем сокол, потом рыба, позади всех — гиппопотам. Символ этот означал: о рождающиеся и умирающие, бог ненавидит бесстыдство¹¹³; дитя есть символ рождения, старец — смерти, под соколом они разумеют бога, под рыбой, как я сказал, — ненависть из-за ее причастности к морю, под гиппопотамом — бесстыдство, ибо про него рассказывают, будто он, убив отца, насильственно сочетается с матерью. И, как представляется, утверждение пифагорейцев о том, что море — это слеза Крона, намекает на его нечистую и чуждую нам природу. Но об этой общеизвестной истории поговорим лучше в другом месте.

¹⁰⁵ Fr. 293.

¹⁰⁶ Diod., I, 88; Herod., II, 38.

¹⁰⁷ В основе этого представления лежит, очевидно, египетский миф о переселении в тела животных Сета и его союзников.

¹⁰⁸ Herod., II, 39.

¹⁰⁹ Кастор Родосский (I в. до н.э.), автор исследования о Ниле. FGrHist. II B, № 250, fr. 17. См. также Diod., I, 88.

¹¹⁰ Историк IV в. до н.э., автор популярного в свое время труда о персах. FHG II, стр. 95, fr. 30.

¹¹¹ Cic. De Nat. Deor. II, 25 (64).

¹¹² См. гл. 40: Гор также отождествлялся с Нилом. Осирис связан со всяким началом плодородия, в том числе с Нилом (Хапи) и с зерном (Непер).

¹¹³ Лакуна. Текст изречения вставлен по Clem. Alex., Stromata V, 41, 4.

33. Самые мудрые из жрецов не только Нил называют Осирисом, а море — Тифоном, но вообще дают имя Осириса всякому влажному началу и энергии, считая их причиной рождения и субстанцией семени. Тифоном же они именуют все сухое, огненное, отдающее воду и вообще враждебное влаге. Полагая, что тело Тифона было красным и желтым, они не очень охотно встречаются и без удовольствия общаются с людьми, имеющими подобный вид. Об Осирисе, напротив, их предания рассказывают, что он был темный, потому что вода делает темным все, с чем ни смешивается: землю, одежду, облака; и влага, заключенная в телах юношей, порождает темный цвет волос, а седина или как бы бесцветность появляются у стареющих людей из-за сухости. Также весна обильна, плодородна и благотворна, а поздняя осень, лишённая влаги, враждебна растениям и вредна животным. Бык, которого выхаживают в Гелиополе и называют Мневис¹¹⁴ (он посвящен Осирису, а некоторые считают его отцом Аписа).— весь черный; и он имеет почести, уступающие только почестям Аписа. А Египет, расположенный на самой черноземной почве¹¹⁵, называют, подобно зрачку глаза, Хемиа и сравнивают с сердцем¹¹⁶, ибо он теплый и влажный и прилегает к южным землям вселенной, окруженный ими, как сердце человека — левой стороной тела.

34. Еще говорят, что солнце и луна пользуются для передвижения не повозкой, но кораблем¹¹⁷, намекая, что их возникновение и насыщение происходят от воды. И есть мнение, что Гомер, как и Фалес, полагал в воде начало рождения всего сущего, узнав об этом у египтян¹¹⁸. И думают, что Океан — это Осирис¹¹⁹, а Тифия — это Исида, потому что она выкармливает и возвращает все живое. К тому же эллины называют выделение семени «апусиа», а совокупление — «синусиа», слово же «сын» (гийос) производят от «гидор» (вода) и «гисай» (идет дождь). И Диониса как владыку влажной природы они называют «гийс» (ниспосылающий дождь); а он — не кто иной как Осирис. И Гелланик, наверно, слышал, как жрецы называли Осириса Гисирисом, потому что именно так постоянно называет он бога, конечно, ввиду его естества и обряда его обнаружения¹²⁰.

35. А то, что Осирис и Дионис — одно, кто знает лучше, чем ты, Клея? Так и должно быть: ведь это ты предводительствуешь в Дельфах вдохновенными жрицами, предназначенная отцом и матерью для таинств Осириса. Если же доказательства надо представить ради других, то все сокровенное мы оставим вне повествования, но открытые действия жрецов во время погребения Аписа, когда тело его везут на плоту, нисколько не уступают вакхическому ликованию: ибо они надевают оленьи шкуры, и несут тирсы, и издают крики, и делают движения подобно тем, кто одержим дионисийским экстазом. Поэтому многие эллины делают изображения Диониса в виде быка. А элейские женщины во время молитвы призывают бога «прийти к ним бычьей стопой». У аргиев же Дионис именуется сыном быка; его вызывают из воды звуками труб, бросая в глубину барана для Привратника; а трубы они прячут в тирсах, как рассказывает Сократ в книгах «О священном»¹²¹. Также предания о титанах и ночные празднества в честь Диониса соответствуют рассказам о растерзании, воскресении и возрождении Осириса. То же самое и с гробницами. Египтяне, как я рассказывал, показывают могилы Осириса повсюду, а дельфийцы считают, что останки Диониса хранятся у них, позади прорицалища; и «чистые»¹²² приносят тайную жертву в святилище Аполлона, когда вдохновенные жрицы пробуждают Ликнита¹²³. А что греки считают Диониса владыкой

¹¹⁴ Diod., I, 21; Strabo, XVII, 1, 22; Aelian. De Nat. Anim. XI, 11; Euseb., Praepar. Evang. III, 13, 1–3.

¹¹⁵ Herod. II, 12.

¹¹⁶ См. прим. 30.

¹¹⁷ Clem. Alex., Stromata V, 41, 2.

¹¹⁸ П. XIV. 201; Фалес Милетский — первый греческий философ (конец VII — начало VI в. до н.э.). Vors. I, № 1.

¹¹⁹ Океан в отличие от моря — поток пресной воды.

¹²⁰ См. гл. 39.

¹²¹ Сократ Аргиевнин, III или II в. до н.э. FHG IV, стр. 498, № 5: FGrHist. III B, № 310, fr. 2.

¹²² Жрецы в Дельфах.

¹²³ λῆκνον — корзина с первинами, подносившаяся Дионису, по также — плетеная колыбель Диониса-Загря, растерзанного, согласно орфическому мифу, титанами. По одному из вариантов мифа Зевс отдал останки

и творцом не только вина, но всякой влажной природы, то здесь нам достаточно иметь свидетелем Пиндара¹²⁴, сказавшего:

Пусть увеличит пищу деревьев радостный Дионис,
Ясный блеск зрелости.

Поэтому тем, кто почитает Осириса, запрещено рубить садовое дерево и засыпать водные источники.

36. Не только Нил, но и вообще всякую влагу называют истечением Осириса; и в честь бога впереди священной процессии всегда несут сосуд с водой. С помощью знака тростника египтяне изображают царя и южные пределы мира, а тростник символизирует увлажнение и оплодотворение всего сущего и по природе кажется похожим на детородный член. Справляя Памилии, празднество, как я говорил, фаллическое, они выставляют впереди и носят всюду статую, фалл которой увеличен в три раза¹²⁵, ибо бог есть начало, а всякое начало благодаря плодovitости увеличивает то, что из него исходит; мы же привыкли вместо «много» говорить «три», как, например, «трижды счастливый» и «сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил»¹²⁶, если только, клянусь Зевсом, число три не выражало у древних своего подлинного смысла: ведь влажная природа, будучи началом и вместилищем рождения, первыми породила из себя три тела — землю, воздух и огонь. И вошедшее в миф предание о том, как Тифон бросил фалл Осириса в реку и как Исида его не нашла, но, изготовив и сотворив похожее изображение, повелела чтить его и носить в фаллических процессиях, предание это попало сюда потому, что оно учит, что творческая и производительная сила бога с самого начала включала в себя влажную материю и через влагу соединялась с тем, что создано для участия в порождении. Есть еще у египтян предание о том, как Апопис¹²⁷, брат Гелиоса, вступил в войну с Зевсом и как Осириса, который стал его союзником и вместе с ним победно закончил войну, Зевс усыновил, назвав его Дионисом. Можно указать на то, что сказочное в этом предании связано с истиной, касающейся природы. Ибо Зевсом египтяне называют ветер¹²⁸, которому враждебно все сухое и огненное, и это — не солнце, но нечто родственное солнцу. Влага же, уничтожая избыток сухости, возвращает и усиливает испарения, через которые ветер насыщается и крепнет.

37. К тому же эллины посвящают Дионису плющ, а у египтян, по слухам, он называется хеносирис, и это имя, как говорят, означает «побег Осириса». Далее, Аристон¹²⁹, написавший «Афинскую колонизацию», наткнулся на письмо некоего Алексарха, в котором рассказывается, что Дионис был сыном Зевса и Исиды и что у египтян он именовался не Осирисом, но Арсафом (через букву «а»), каковое имя переводится как «мужество». То же утверждает и Гермей¹³⁰ в первой книге сочинения «О египтянах»: он заявляет, что «Осирис» можно толковать как «могучий». Я не говорю уже о Мнасии¹³¹, который отождествляет Диониса, Осириса и Сараписа с Эпафом. Не говорю и об Антиклидесе¹³², утверждающем, что Исида — дочь Прометея и что она была женой Диониса. Те особые праздники и обряды, о которых я рас-

Загрея Аполлону и тот похоронил их в Дельфах.

¹²⁴ Bergk, I, fr. 153.

¹²⁵ Herod., II. 48. Фаллический элемент никогда не был чужд культуре Осириса, но большое значение приобрел только с эпохи эллинизма под влиянием культа Диониса.

¹²⁶ Hom., Od. V. 306; VI. 154; VIII. 340.

¹²⁷ Апопис — змей, божество тьмы.

¹²⁸ Diod., I, 12.

¹²⁹ Философ-перипатетик, современник Страбона. Помимо упомянутого сочинения написал исследование о Ниле. FHG III, стр. 324, fr. 3; FGGrHist. III B, № 337, fr. 1.

¹³⁰ Не ясно, какой Гермей имеется и виду. Скорее всего уроженец Гермополя (II в. н.э.). FHG IV, стр. 427, fr. 3; FGGrHist. III C, № 620, fr. 1.

¹³¹ Уроженец ликийской Патары, ученик Эратосфена, автор ряда сочинений на антикварно-географические темы. FHG III, стр. 155, fr. 37.

¹³² Афинский историк эпохи диадохов. FGGrHist. II B, № 140, fr. 13.

сказал, содержат более очевидную истину, чем слова свидетелей.

38. Самую яркую звезду египтяне называют Исидой, потому что она вызывает разлив. Они также почитают льва и украшают львиными пастями двери храмов, потому что Нил выходит из беретов, «когда впервые солнце встречается со львом»¹³³.

И как Нил они называют истечением Осириса, так землю принимают за тело Испды, но не всю, а только ту, к которой поднимается Нил, сочетающийся с ней и оплодотворяющий ее. Через это соитие они порождают Гора. А Гор — это соразмерное смешение воздуха и весна, которая хранит и питает все окружающее: и говорят, что Гор был вскормлен Латоной в болотах, окружающих Бут: ведь увлажненная и мокрая земля поднимает испарения, уничтожающие и ослабляющие бесплодие и сухость. Запредельные же окраины земли, которые граничат с морем, называют Нефтидой. Поэтому Нефтиду зовут концом и говорят, что она — жена Тифона. А когда вздувшийся и разлившийся Нил достигает окраинных пределов, то это называют соитием Осириса и Нефтиды, о котором свидетельствуют возникающие растения; и среди них есть лотос, о котором миф рассказывает, что он, выпавший из венка и оставшийся на месте, стал для Тифона свидетельством оскорбления его брака. Вот почему Исиды родила Гора благородно, а Нефтида Анубиса — незаконно. Причем в каталоге царей пишут, что Нефтида, сделавшись женой Тифона, была сначала бесплодной. Если так говорят не о женщине, а о богине, то подразумевают землю, неродящую и бесплодную из-за отсутствия влаги.

39. Также злой умысел и тирания Тифона означали преобладание той сухости, которая победила и развеяла влагу, порождающую и питающую Нил. А под его помощницей, эфиопской царицей, подразумеваются южные ветры из Эфиопии; ибо когда они побеждают этесии¹³⁴, которые гонят облака в Эфиопию, и когда не дают изливаться дождям, наполняющим Нил, тогда разгорается преследующий Осириса Тифон и, совсем одолев в это время Нил, который сам по себе смирен из-за скудости и мелко течет между высоких берегов, выталкивает его в море. По-видимому, так называемое положение Осириса во гроб означает не что иное, как иссякание и убыль воды. Поэтому говорят, что в месяце Афире¹³⁵ Осирис умирает: ведь когда стихают этесии, Нил совсем мелеет и земля обнажается; тогда, с удлинением ночи, густеет тьма, сила света терпит поражение и истощается, а жрецы исполняют мрачные обряды и в знак скорби о богине выставляют позолоченную корову, окутанную черным льняным покровом (они считают корову подобием Исиды и земель); и это продолжается четыре дня подряд, начиная с семнадцатого дня месяца. А причин для траура — четыре: во-первых, убывает и исчезает Нил, во-вторых, северные ветры совсем побеждены, а южные взяли верх, в-третьих, день становится короче ночи; наконец — обнажается земля и исчезает растительность, теряющая в это время листву. На девятнадцатую ночь процессии спускаются к морю; жрецы и столлисты¹³⁶ несут священный ларь, имеющий внутри золотой ковчег, в который они, зачерпнув, наливают пресной воды. И поднимается крик окружающих, что найден Осирис. Затем к воде подносят плодородную землю и, смешав их с дорогими благовониями и фиамом, лепят месяцевидную фигурку. Они обряжают и украшают ее, показывая, что считают этих богов субстанцией воды и земли.

40. Когда Исиды снова воскресила Осириса и взрастила Гора, который окреп благодаря испарениям, туману и облакам, то Тифон был побежден, но не уничтожен. Так богиня, повелительница земли, не позволила окончательно истребить природу, противоположную влаге, но ослабила и освободила ее, желая, чтобы смешение сохранялось, так как невозможен совершенный порядок в случае угасания и исчезновения огненного начала. И если даже об этом говорят неподобающим образом, то не следует все же пренебречь рассказом о том, как

¹³³ Horapollo, Hierogl. I, 21.

¹³⁴ Северные ветры (Diod., I, 39).

¹³⁵ Ноябрь.

¹³⁶ Хранители облачений.

Тифон некогда захватил удел Осириса: ведь Египет был морем¹³⁷. Поэтому до сих пор в рудниках и горах обнаруживают много раковин; и все источники, и все колодцы (а их множество) имеют воду горькую и соленую, как будто здесь скопились застарелые остатки древнего моря. Но в свой срок Гор победил Тифона, т. е. после обильно выпавших дождей Нил, вытеснив море, возродил и воссоздал долину наносами. Об этом может свидетельствовать наблюдение: мы ведь и теперь видим, как река несет новый ил и движет землю против постепенно отходящего моря, и оно спадает с растущего из-за наносов дна. Остров Фарос который Гомер знал отстоящим от Египта на расстояние дневного перехода¹³⁸, теперь является частью страны, и не потому, что он разросся и приблизился к земле, но оттого, что море, лежащее между ними, вытеснено рекой, которая налепляет и возвращает сушу. Но подобные представления имеются и в рассуждениях стойков о богах; и они говорят, что Дионис — дух творческий и питательный. Геракл — насильственный и разрушительный, Аммон — восприимчивый; что Деметра и Кора — это все, имеющее отношение к земле и плодам, а Посейдон — к морю¹³⁹.

41. Однако, смешивая с природными причинами астрономические, полагают также, что Тифоном называется солнечный мир, а Осирисом — мир лунный¹⁴⁰. Говорят, что луна, имея свет животворный и порождающий влагу, благоприятна и для размножения животных, и для цветения растений, а солнце неумеренным и жестоким огнем жжет и иссушает все растущее и цветущее, жаром своим делает необитаемой большую часть земли и часто одерживает победу над луной. Поэтому египтяне всегда называют Тифона «Сет», что значит «повелевающий» и «губящий». Миф рассказывает, что Геракл, обосновавшись на солнце, странствует вместе с ним, а Гермес — с луной¹⁴¹. И проявления луны подобны проявлению разума и совершенной мудрости, а действия солнца — ударам, совершаемым насилем и мощью. Стойки также говорят, что солнце поднимается из моря и вскармливается им, а для луны сладостные и нежные испарения посылает вода источников и озер.

42. Египетские сказания утверждают, что смерть Осириса наступила в семнадцатый день месяца, когда особенно очевидным становится завершение полнолуния. Поэтому пифагорейцы такой день называют преградой и вообще избегают этого числа. Ибо семнадцать, вторгаясь между шестнадцатью и восемнадцатью — числами, образующими квадрат и прямоугольник, которые из всех плоских фигур одни только имеют периметр, равный занимаемой ими площади, разгораживает и отделяет их друг от друга и разрушает эпогоническое отношение, само делясь на неравные части¹⁴². Что касается счета годов, то одни говорят, что Осирис жил, а другие — что он царствовал 28 лет. Ибо таков цикл луны и за столько дней завершает она свой круг. А из дерева, которое срубают на так называемых могилах Осириса, изготовляют серпообразный саркофаг, потому что луна приближаясь к солнцу, скрывается и превращается в месяц. И четырнадцать частей, на которые был растерзан Осирис, указывают на дни, когда светило умирает от полнолуния до новолуния. День же, в который оно впервые появляется, вынырнув из солнечных лучей и миновав солнце именуется «бесконечным благом»: ибо благодетелен Осирис, и многое означает его имя, и не в последнюю очередь им обозначают действенную и благотворную силу. Также второе имя Осириса, Омфис, по словам Гермеса¹⁴³, в точном переводе означает «благодетель».

¹³⁷ Herod., II, 5; Diod., I, 39; III, 3.

¹³⁸ Hom., Od. IV. 356; Strabo. XII, 2, 4; XVII. 1, 6.

¹³⁹ Cic. De. Nat. Deor. I, 15 (40); II, 28 (71); Diog. Laert., VII, 147.

¹⁴⁰ Продукт позднего развития мифа.

¹⁴¹ Гермес отождествляется с лунным божеством Тотом. Связь Геракла с солнцем обнаруживается в мифе о быках Гериона.

¹⁴² Эпогонический — содержащий целое и $\frac{1}{8}$ его часть. Здесь наличествует эпогоническое отношение между двумя числами: 16 (целое) + $\frac{1}{8} \cdot 16$ (восьмая часть) = $16 + 2 = 18$. В конце фразы, скорее всего, содержится указание на нечетность «семнадцати».

¹⁴³ FHG IV, стр. 427; FGrHist. III C, № 620, fr. 2. У Элиана встречается священный бык Онуфис. De Nat. Anim. XII, 11.

43. Полагают, что некоторые указания на периоды луны содержат и разливы Нила. Самый большой из них у Элефантины поднимается на двадцать восемь локтей, а таково число мер и суток каждого месячного цикла; самый мелкий у Мендеса и Ксоиса имеет шесть локтей в честь полумесяца; средний у Мемфиса, когда он правилен, — четырнадцать локтей в знак полнолуния. Также считается, что Апис — одушевленный образ Осириса и что он зачинается, когда животворный свет луны нисходит на ярящуюся корову и пронизывает ее¹⁴⁴. Поэтому многие свойства Аписа напоминают особенности луны, и светлые места его кругом покрыты темными пятнами¹⁴⁵. Далее, в новолуние месяца Фаменота египтяне справляют праздник, который они называют восхождение Осириса на луну и который является началом весны. Помещая, таким образом, энергию Осириса на луну¹⁴⁶, они говорят, что Исида, будучи для него началом женским, пребывает с ним как жена. Поэтому они называют луну матерью мира и считают, что она имеет природу и мужскую, и женскую, что она зачинает и беременеет от солнца, но и в свою очередь испускает в воздух животворные элементы, осеменяя его¹⁴⁷. Ибо не всегда берет верх разрушительная сила Тифона, часто она бывает побеждена и скована энергией плодотворения, а потом опять освобождается и сражается с Гором. Последний же — это земной порядок, не чуждый всецело ни смерти, ни рождению.

44. Некоторые толкуют миф как иносказание о затмениях. Ибо лунное затмение происходит, когда полная луна занимает положение против солнца и из-за этого попадает в тень земли, как по рассказам Осирис — в гроб. Затем в свою очередь луна закрывает и затемняет солнце на тридцатый день месяца, но не губит его совсем, как Исида не губит Тифона. И когда Нефтида родила Анубиса, Исида приняла его как своего ребенка; ибо Нефтида — это то, что под землей и невидимо, а Исида — то, что над землей и зримо. Соприкасающаяся же с ними и называемая горизонтом окружность, общая обеим, названа Анубисом и изображается в виде собаки, потому что собака равно владеет зрением и днем, и ночью¹⁴⁸. Египтяне полагают, что Анубис имеет ту же власть, что у эллинов имеет Геката, (принадлежащая одновременно к числу преисподних и олимпийских божеств¹⁴⁹). Некоторые же считают, что Анубис — это Крон, потому что он все рождает из себя и зачинает (кюо) в себе, за что и получил якобы прозвище собаки (кюон). Таким образом, почитатели Анубиса имеют некое тайное знание, и в древние времена собака получала величайшие почести; когда же Камбиз убил и выбросил Аписа¹⁵⁰, ни одно животное не подошло и не отведало тела, кроме собаки, — и тогда она перестала быть первой и чтимой более всех других животных. Есть и такие, которые называют Тифоном тень земли, в коей, по их мнению, затмевается соскользнувшая в нее луна.

45. Итак, есть основание сказать, что каждый в отдельности утверждает неправильно, а все вместе — правильно. Ибо ни сухость, ни ветер, да море, ни мрак, но все, что природа имеет вредного и губительного, можно считать частью Тифона. И не следует искать начало всего сущего в неодушевленных телах, как Демокрит и Эпикур или как стоики¹⁵¹ — в творце бескачественной материи, едином Разуме и едином Промысле¹⁵², который все обнимает и

¹⁴⁴ Aelian., De Nat. Anim. XI, 10.

¹⁴⁵ Сравнение с лунными пятнами? Исконный египетский Апис носил между рогами солнечный диск. М. А. Коростовцев. Религия древнего Египта, М., 1976, стр. 15. О черно-белой масти Аписа см. Strabo, XVII, 1, 31.

¹⁴⁶ В рассказе о восхождении Осириса на луну этот бог явно играет роль солнца и мужа, чего не замечает Плутарх.

¹⁴⁷ В египетской мифологии двуполость богов прослеживается слабо и редко, согласно исконным египетским представлениям луна имеет мужской пол.

¹⁴⁸ Данная здесь интерпретация Исиды. Нефтиды и Анубиса не имеет аналогий. Правда, в некоторых храмах встречаются изображения Анубиса, катящего лунный диск.

¹⁴⁹ Геката принадлежит к олимпийскому сонму в ипостаси Селены, но связь с небесной сферой бога некрополя Анубиса неясна.

¹⁵⁰ Herod., III, 29; Aelian., De Nat. Anim. X, 28.

¹⁵¹ SVF II, 1108; Diog. Laert., VII, 134.

¹⁵² ὁ λόγος, ἡ πρόνοια.

властвует над всем. Ибо невозможно, чтобы возникло какое-либо зло там, где бог — причина всего, и добро там, где бог не сотворил ничего. По Гераклиту¹⁵³, «в мировой гармонии напряжение чередуется с ослаблением как у лиры и лука», а у Еврипида¹⁵⁴:

Не могут существовать отдельно добро и зло,
Но должно быть некое смешение, чтобы было прекрасно.

И вот почему это древнейшее представление перешло от богословов и законовевов к поэтам и философам, не имея творца своего начала, но обладая твердой и непоколебимой убедительностью и распространяясь не только через рассказ и предание, но также через мистерии и обряды жертвоприношения везде — и у греков, и у варваров: не сама по себе колеблется Всеобщность вне разума, закона и управления¹⁵⁵, не единый Разум правит ею и направляет ее как бы рулем или властными удилами, но так как природа содержит в себе многое, причем в смешении добра и зла, или, как лучше и проще сказать, не имеет в этом мире ничего несмешанного, то не думай, что один хозяин, распределяя явления как питье из двух боцек, жульнически смешивает их для нас; напротив: из двух противоположных начал и от двух враждебных сил, из которых одна ведет нас направо и по верной дороге, а другая поворачивает вспять и уводит в сторону, произошла сложная жизнь и мир, если не весь, то этот, земной и подлунный, неоднородный, пестрый и подверженный всяким переменам. И если ничто не возникает без причины, а добро не могло бы содержать в себе причину зла, то природа должна иметь особое начало и особый источник как для добра, так и для зла.

46. Таковое мнение большинства мудрейших людей. И одни полагают, что есть два бога, творящих добро и зло и подобных соперничающим ремесленникам, а иные благого называют богом, а другого — демоном, как, например, маг Зороастр, который, как рассказывают, жил за пять тысяч лет до Троянской войны. Он называет одно божество Горомадзом, другое — Ариманием¹⁵⁶ и указывает, что из всего чувственного первый более всего подобен свету, а второй — мраку и неведению, середину же между обоими занимает Митра. Поэтому персы называют Митру посредником. Зороастр также учил, что первому божеству надо приносить жертвы обетные и благодарственные, а второму — умиловительные и мрачные. Поэтому Гадеса и Тьму¹⁵⁷ призывают они, измельчая в ступе некую траву, называемую омоми; затем, смешав ее с кровью заколотого волка, выносят в место, не знающее солнца, и бросают там: они полагают, что и растения одни принадлежат благому богу, а другие — злому демону. Также из животных собаки, например, птицы и лесные ежи по их мнению — собственность благого божества, а злого — водяные мыши. Поэтому человека, убившего их в большом количестве, они прославляют как счастливец.

47. Однако и они рассказывают о богах много сказочного, например, следующее: Горомадз, произошедший от чистейшего света, и Ариманий, произошедший от тьмы, ведут друг с другом войну. И Горомадз создал шесть богов: первым — бога Доброй Мысли, вторым — Истины, третьим — Справедливости и остальных — Мудрости, Богатства и Творца благих наслаждений. Ариманий же сотворил равное им число соперников. Затем Горомадз, троекратно увеличившись, удалился от солнца настолько, насколько солнце удалено от земли, и украсил небо звездами. Одну звезду, Сириус, он поместил впереди других как стража и дозорного. Сотворив затем еще двадцать четыре бога, он поместил их в яйцо. Равные им по числу боги, произошедшие от Аримания, проникли в яйцо, вследствие чего добро смешалось со злом. Но грядет назначенное судьбой время, когда Ариманий, вызвавший мор и голод, будет за это по справедливости навсегда уничтожен и исчезнет, земля же станет ровной и глад-

¹⁵³ Vors. I, № 12, B51.

¹⁵⁴ Nauck, fr. 21.

¹⁵⁵ Τὸ πᾶν... ἄλογον καὶ ἀκυβέρνητον.

¹⁵⁶ Т. е. Ормуздом и Ариманом. Diog. Laert., Prol. 2.

¹⁵⁷ Diog. Laert., Prol. 8: Гадес тождественен Ариману.

кой, и будет одна жизнь и одно государство у всех людей, блаженных и говорящих на одном языке А Феопомп¹⁵⁸ со слов магов утверждает, что на три тысячи лет по очереди один бог побеждает, а другой бывает побежден, затем три тысячи лет они бьются и сражаются, и один разрушает творения другого; но в конце концов Гадес исчезнет, и люди станут счастливыми, не нуждаясь в пище и не строя навеса. А бог, устроивший все это, отойдет на покой и будет отдыхать некоторый срок, который для него, как для бога, невелик, но умерен, как для спящего человека. Таково содержание легендарных историй магов.

48. Халдеи же утверждают, что из планет, которые они называют богами-покровителями, две приносят добро, две — зло и три являются средними, обладая обоими качествами. А мифы эллинов так или иначе известны всем. Благоую часть они приписывают Зевсу Олимпийскому, дурную — Гадесу и рассказывают, что Гармония произошла от Афродиты и Ареса. Из них двоих он — суровый и упрямый, она — кроткая и заботливая. Обратим внимание, что с этим согласны и философы. Например, Гераклит¹⁵⁹ прямо называет войну «отцом, царем и владыкой всего» и говорит, что Гомер, когда он молит: «О, да погибнет вражда от богов и от смертных»¹⁶⁰ — «не замечает, что он проклинает источник всего сущего, ибо источник этот — в борьбе и противоположности»; еще говорит, что «Солнце не переступит положенных пределов, в противном случае его настигнут Лиссы — прислужницы Справедливости»¹⁶¹. Напротив, Эмпедокл¹⁶² называет благое начало «дружбой» и «любовью» и часто — «нежной гармонией», дурное же — «пагубным раздором» и «кровавой борьбой». А пифагорейцы¹⁶³ определили принцип добра через многие именованья: единичность, завершенность, постоянство, прямота, нечетность, четырехугольность, равенство, правая сторона, свет; принцип же зла через понятия: двоичность, безграничность, подвижность, кривизна, четность, разносторонность, неравенство, левая сторона, тьма; они считают все это началами, лежащими в основании природы. Анаксагор называет таковыми разум и беспредельное, Аристотель — форму и лишение, а Платон, часто затемняя и скрывая это, именуется одно из противоположных начал торжеством, а другое — различием¹⁶⁴. Но в «Законах»¹⁶⁵, будучи уже более зрелым, он говорит не иносказательно или символически, но в точных выражениях, что мир движет не одна душа, но, может быть, многие и, по крайней мере, не меньше, чем две; из них одна благотворная, а другая — противоположна ей и творит все противоположное. Посередине он оставляет место для третьей природы, не лишенной разума и самостоятельного движения, как полагают некоторые, но связанной с обоими началами, всегда стремящейся к лучшему и тоскующей по нему, и домогающейся его, как пояснит наше дальнейшее изложение, в котором учение египтян о богах более всего сближается с этой философией.

49. Итак, сложны исток и строение мира из-за противоположных и при этом не равномогущих сил: превосходство остается за лучшей. Но и злое начало не может погибнуть совершенно, так как оно присуще значительной части тела и значительной части души Всеобщего и постоянно ведет упорную борьбу с лучшей силой. Поэтому в природе духовной Осирис, владыка и повелитель всего самого благородного, — это мысль и разум¹⁶⁶, а на земле, в ветрах, водах, в небе и на звездах все здоровое, устроенное и упорядоченное сроками, соче-

¹⁵⁸ FHG I, стр. 289, fr. 72; FGGrHist. ПВ, № 115, fr. 65. Феопомп Хиосский (род. ок. 378 г. до н.э.) — ученик Исократы. историк; главные его произведения — «Греческая история» и «История Филиппа».

¹⁵⁹ Vors. I, № 12, B53.

¹⁶⁰ II. XVIII, 107.

¹⁶¹ Vors. I, № 12, B94. Лиссы (Λύσσαι) — одна из многих возможных интерполяций.

¹⁶² Vors. I, № 21, B18; B17, v. 19; B122, v. 2.

¹⁶³ Arist., Metaph. I 985b 23 слл.

¹⁶⁴ Анаксагор (500–428 гг. до н.э.): νοῦς καὶ ἄπειρον. См. Vors. I, № 46, A1; A41; A43 etc. Аристотель: εἶδος καὶ στέρησις; на самом деле Аристотель говорил о форме и материи (εἶδος, μορφή — ὕλη) — см. Metaph. VII, 1041b etc. Платон: ταυτὸν καὶ θάτερον — см. Tim. 35a.

¹⁶⁵ Legg. 896 e.

¹⁶⁶ ὁ νοῦς, ὁ λόγος.

таниями и периодами является истечением «и подобием Осириса. Тифон же в пределах души — все бурное, титаническое, неразумное и непостоянное, а в материальной части — смертное, вредоносное, возбуждательное и связанное с неупорядоченными сроками, нарушением пропорций, помрачениями солнца и лунными затмениями; все это — как бы набег и мятеж Тифона. И об этом свидетельствует имя Сет, которым называют Тифона, ибо оно означает «то, что губит» и «то, что совершает насилие», а также часто — «переворот» и опять-таки — «скачок». Некоторые говорят, что Бебон был одним из друзей Тифона, а Манефон¹⁶⁷ пишет, что самого Тифона называют Бебоном; значение же этого имени — «задержка» и «помеха», потому что сила Тифона препятствует явлениям, идущим по надлежащему пути и влекущимся к правильной цели.

50. По этим причинам из домашних животных Тифону посвящают самое грубое — осла, а из диких — самых необузданных — крокодила¹⁶⁸ и гиппопотама. Про осла мы уже все объяснили. В Гермополе показывают изображение Тифона в виде гиппопотама, на котором верхом сидит сокол сражающийся со змеей. В образе гиппопотама представляют Тифона, а в образе сокола — могущество и власть, которых Тифон добивается насилием, часто напрасно, сотрясаясь от злобы и сотрясая все вокруг. Поэтому, принося праздничные жертвы в седьмой день месяца Туби, который называют днем исхода Исиды из Финикии¹⁶⁹, египтяне налепливают на хлебцы изображение связанного гиппопотама. А в Аполлонополе существует обычай, чтобы все без исключения ели крокодилов¹⁷⁰. В один день они ловят их столько, сколько могут, а затем убивают, бросают против святилища и рассказывают, что Тифон ускользнул от Гора, превратившись в крокодила, и что все дурные и вредные животные, растения и явления возникают как деяния, части и движения Тифона.

51. Опять-таки Осириса они изображают с помощью глаза и скипетра, первый из которых означает предвидение, а второй — власть; также Гомер¹⁷¹, называя владыку и царя всего сущего «Зевс повелитель и наставник», через слово «повелитель», как кажется, выражает его могущество, а через «наставник» — благоволение и мудрость. И часто Осириса изображают соколом, ибо тот выдается силой зрения и быстротой полета и по природе таков, что поддерживает себя малым количеством пищи. Рассказывают также, что он, пролетая над непогребенными мертвецами, кидает им на глаза землю¹⁷². Когда же он спускается к реке напиться, то ставит одно перо торчком; напившись, снова опускает его. Отсюда становится видно, что он избежал крокодила и остался цел; а если бы тот его схватил, то перо осталось бы торчащим, как он его поставил¹⁷³. И везде показывают человекоподобные изображения Осириса с фаллом, поднятым в знак его производительной и питательной мощи¹⁷⁴. И статуи его одевают в огненные покровы, потому что считают солнце телом благой энергии и как бы зримым выражением сверхчувственной сущности¹⁷⁵. Поэтому достоин презрения тот, кто относит солнечный шар к Тифону, с которым не связано ничего светлого, ничего спасительного, никакого порядка, рождения и движения, обладающего размеренностью и смыслом, но которому присуще все противоположное. И засуху, губящую много животных и растений, надо

¹⁶⁷ FHG II, стр. 613, fr. 76; FGrHist. III. №600, fr. 20. Манефон, египетский первосвященник и писатель времени первых двух Птолемеев, известен прежде всего как автор греко-язычной истории Египта; ему принадлежит также ряд других сочинений; Плутарх, очевидно, пользовался его трактатом «Священные книги».

¹⁶⁸ Крокодил Себек характеризуется египетскими мифами противоречиво: в одних он выступает как благотворительная сила, в других роль его отрицательна. Коростовцев, ук. соч., стр. 104.

¹⁶⁹ В римскую эпоху широко почиталась «морская» Исида: Isis Pelagia et Pharia.

¹⁷⁰ Herod., II, 69; Aelian., De Nat. Anim. X, 2; Strabo, XVII, 1, 47.

¹⁷¹ II, VIII, 22.

¹⁷² Aelian., De Nat. Anim. II, 42; Porphyg., De Abstin. IV, 9, 45.

¹⁷³ Т. е. перо пронзило бы крокодила.

¹⁷⁴ Фаллический элемент в культуре Осириса усилился в эллинистическую эпоху под влиянием культа Диониса.

¹⁷⁵ Термин *νοητός*, употребляемый Плутархом здесь и дальше, призван выразить представление о начале, недоступном чувственному ощущению и открывающемся только человеческой мысли. В переводе более всего напрашивается эпитет «идеальный», однако употребление его было бы слишком смелым привлечением позднейшего, вполне развившегося представления об антипode материального мира.

считать делом не солнца, но ветров и вод, которые несвоевременно смешиваются на земле и в воздухе всякий раз, как владычество силы беспорядочной и необузданной, творя несправедливость, подавляет испарения.

52. В священных гимнах Осириса жрецы призывают его как укрытого в объятиях солнца, а на тринадцатый день месяца Эпифи, когда луна и солнце оказываются на одной прямой, они празднуют день рождения очей Гора, потому что не только луну, но и солнце считают оком и светом Гора. На восьмой день исхода месяца Фаофи, после осеннего равноденствия, справляют праздник рождения посоха солнца, показывая, что светило как бы нуждается в опоре и поддержке, потому что начинает испытывать недостаток тепла и света, склоняясь и вкось удаляясь от нас. Кроме того, во время зимнего солнцестояния вокруг храма¹⁷⁶ семь раз обводят корову; обход называется «поисками Осириса», потому что богиня жаждет зимней воды. А идут они столько раз потому, что переход от зимнего солнцестояния к летнему совершается в семь месяцев. И говорят, что Гор, сын Исида, раньше всех приносит жертвы солнцу, когда наступает четвертый день месяца; так это записано в книге «О дне рождения Гора». И каждый день египтяне воскуряют солнцу тройким образом: камедью на восходе, смирной в полдень и так называемым куфи на закате; какой смысл имеет каждое из этих воскурений, я расскажу позже. Они думают, что с помощью всего этого они возносят к солнцу молитвы и служат ему. Что за нужда, однако, нагромождать во множестве подобные мнения? Дело в том, что есть люди, которые прямо утверждают, что Осирис — это солнце и что эллины называют его Сириус¹⁷⁷, даже если добавление у египтян артикля делает имя сомнительным. Они же доказывают, что Исида — не что иное как луна. Поэтому-де изображения ее с рогами являются подобиями лунного серпа, а черные покровы символизируют затмения и затемнения, в которых она, тоскуя по солнцу, следует за ним. Поэтому луну призывают в любовных делах, а Эвдокс¹⁷⁸ говорит, что Исида повелевает любовью. Этим рассказам присуще хоть какое-то правдоподобие, но не стоит даже слушать тех, кто превращает Тифона в солнце. Однако вернемся опять к нашему собственному повествованию.

53. Итак, Исида есть женское начало природы, и она вмещает в себя всякое порождение, почему Платон¹⁷⁹ восхваляет ее как «кормилицу» и как «всеобъемлющую», а большинство — как «многоименную» из-за того, что она принимает всяческие виды и формы, изменяясь по воле разумного начала. Она имеет врожденную любовь к Первому и Самому могущественному, что тождественно добру, и жаждет его, и стремится к нему. А доли зла она избегает и не принимает; являясь для обоих почвой и материалом, она по собственному побуждению склоняется всегда к лучшему, дает ему из себя потомство, позволяет осеменить себя истечением и подобием, и радуется этому, и счастлива, что зачинает и наполняется творениями. В материи же творение является образом сущности, а возникающее — подобием сущего.

54. Поэтому мифы, не противореча сути, рассказывают, что душа Осириса вечна и бессмертна, что плоть многократно разрывает и прячет Тифон и что Исида, странствуя, отыскивает и снова складывает тело: ибо сущее, сверхчувственное и благое сильнее уничтожения и перемены. Его образы отпечатывает на себе чувственное и телесное начало, принимая от него идеи, формы и подобию, которые, как печать на воске, остаются не навсегда; ими завладевает сила беспорядочная и вносящая расстройство, явившаяся сюда из высших сфер и ведущая войну с Гором, которого Исида родила как чувственное подобие нематериального мира¹⁸⁰. Поэтому говорят, что он был привлечен Тифоном к суду за незаконнорожденность как тот, который не является чистым и беспримесным подобно отцу, самодовлеющему Разуму¹⁸¹,

¹⁷⁶ Разночтение: храма солнца. Griffiths, стр. 201; Loeb, стр. 126.

¹⁷⁷ Diod., 1, 11. Сириус здесь — не название звезды, но эпитет солнца: палящее.

¹⁷⁸ Fr. 297.

¹⁷⁹ Tim. 49a; 51a; 52d; 53a. Платон говорит о материнском начале, не называя его Исидой.

¹⁸⁰ νοητὸν κόσμον.

¹⁸¹ λόγος αὐτὸς καθ'αυτὸν.

несмешанному и неизмененному, но имеет естество, испорченное телесностью. Гор одолевает и побеждает благодаря Гермесу, то есть слову, которое свидетельствует и показывает, что природа творит мир, видоизменяясь через начало сверхчувственное. А рождение Аполлона от Осириса и Исиды, когда эти боги были еще во чреве Реи, есть символ того, что прежде чем мир стал зримым и материя была завершена с помощью разума, природа испытала самое себя и произвела на свет первое несовершенное порождение. Поэтому говорят, что этот бог родился в темноте калеккой и называют его старшим Гором. Он не был миром, но только образом и отражением будущего мира.

55. Сам же Гор закончен и совершенен; и он не уничтожил Тифона совсем, но лишил его предприимчивости и силы. Поэтому в Копте, как говорят, статуя Гора держит в одной руке фалл Тифона. Также, согласно мифу, Гермес вырвал из Тифона жилы, чтобы использовать их на струны; так они учат, что разум, устраивая Всеобщность, сделал ее гармоничной из негармоничных частей и не уничтожил, но только искалечил разрушительную силу. Поэтому она, в нашем мире вялая и ослабленная, смешивается и соединяется со всякой бурной и изменчивой стихией и является творцом трясений и толчков на земле, засухи и дурных ветров в воздухе, а также громов и молний. Эта сила заражает мором воды и ветры, взбегают вверх до луны и беснуется, часто затемняя и уничтожая ее свет, так что египтяне думают и говорят, что в такой-то момент Тифон ударил Гора в глаз, в такой-то — выбил его и пожрал, а потом — снова отдал солнцу. Под ударом они разумеют ежемесячную убыль луны, а под увечьем — затмение, которое вылечивается солнцем, посылающим свет луне, когда та выходит из земной тени.

56. Итак, могущественная и божественная природа состоит из трех начал Сверхчувственного, материального и того, что происходит от них и что эллины именуют космосом. Платон¹⁸² обычно называет сверхчувственное идеей, образцом и отцом, а материальное — матерью и кормилицей, а также вместилищем и почвой рождения; то же, что происходит от обоих, — отпрыском и порождением. И, видимо, египтяне сравнивают природу Всеобщности с красивейшим из треугольников, так что Платон в «Государстве»¹⁸³ кажется, воспользовался им, сочиняя символическое обозначение брака. Этот треугольник имеет катет из трех частей, основание — из четырех и гипотенузу — из пяти, причем сила ее¹⁸⁴ равна силе двух других сторон. Таким образом, катет можно считать мужским началом, основание — женским, а гипотенузу — отпрыском обоих. Также Осириса можно считать началом, Исиду — вместилищем, а Гора — исходом. К тому же «три» является первым нечетным и совершенным числом; «четыре» — это квадрат, стороны которого — четные двойки; «пять» же частью походит на отца, частью — на мать, будучи составлено из тройки и двойки. И Всеобщность (панта) получила имя от пяти (пенте), и вместо «считать» говорят «пятерить». Пять образует из себя числовой квадрат, равный количеству египетских букв и числу лет, прожитых Аписом¹⁸⁵. Что касается Гора, то его обычно называют еще Мин, что значит «зримый», ибо космос чувствен и зрим. А Исиду иногда называют Мут, а также Афири и Мефиер. Первое имя у них означает «мать», второе — «земное вместилище Гора», как у Платона¹⁸⁶ — «кормилица» и «почва рождения». Третье имя составлено из «полноты» и «блага»¹⁸⁷: ибо полна материя мира и связана она с благом, чистым, и упорядоченным.

57. Может показаться, что подобным же образом и Гесиод¹⁸⁸ делая первичными Хаос,

¹⁸² Tim. 50c–d.

¹⁸³ Resp. 546 b–c.

¹⁸⁴ Квадрат.

¹⁸⁵ Существовало предание о том, что двадцатипятилетних Аписов топили, однако оно опровергается археологией. См. Коростовцев, ук. соч., стр. 14.

¹⁸⁶ См. прим. 174.

¹⁸⁷ Этимология Мут верна; Афири — греческая транскрипция имени Хатхор; наиболее приемлемое объяснение Мефпер — «великий поток», т. е. небесные воды, олицетворенные в образе коровы — Хатхор, богини изначальной водной стихии.

¹⁸⁸ Theog. 116 слл.

Землю, Тартар и Любовь, имеет в виду не другие начала, но эти самые; если же говорить об именах, то, изменив их, мы так или иначе назовем Землю Исидой, Любовь — Осирисом, а Тартар — Тифоном; Хаос же, как представляется, поэт помещает внизу в качестве почвы и пространства Всеобщности. Эти обстоятельства, так или иначе, вызывают в памяти платоновский миф, который в «Пире» Сократ рассказывает о рождении Эрота¹⁸⁹. Он повествует, как Пеня, желая ребенка, прилегла к спящему Пору и, зачав от него, родила Эрота¹⁹⁰, имеющего смешанную и неоднородную природу, потому что он родился от отца благородного, мудрого и во всем независимого, от матери же — беспомощной, бедной, льнущей из-за нужды к другим и клянчащей у них. А Пор — не кто иной, как первый возлюбленный, желанный, совершенный и независимый. Пеней же он назвал материю, не имеющую в самой себе блага, однако наполняющуюся им и всегда стремящуюся к нему, и берущую его долю. Родившийся от них космос, или Гор, не является ни вечным, ни неизменным, ни бессмертным, но, беспрестанно перерождаясь, он движется и остается юным и неуничтожимым благодаря периодам и смене явлений.

58. Итак, мифами нужно пользоваться не просто как историями, но следует выбирать из каждого полезное, руководствуясь сходством. Поэтому когда мы говорим о материи, не должно, увлекаясь учениями некоторых философов¹⁹¹, полагать в ней некое бездушное тело, и бескачественное, и инертное, и бесполезное само по себе. Ведь мы называем елей материей мира¹⁹², а золото — материей статуи, а они не лишены вовсе качественной определенности. И самое сознание и душу человека как сырой материал знания и доблести мы предоставляем разуму, чтобы он украшал и упорядочивал их. И некоторые доказывают, что ум является вмещением идей и материей для оттиска сверхчувственного начала¹⁹³. А другие думают, что и семя женщины не является ни энергией, ни началом, но материей и пищей порождения. И вот как следует судить о богине тем, кто придерживается таких представлений: она постоянно причастна к первому богу и сочетается с ним из любви к красоте и благу, которые его окружают, и не чужда ему, но, как мы говорим, что законный и праведный муж любит по праву и порядочная женщина, имеющая мужа, тем не менее страстно желает его, так и она всегда льнет к нему, и просит у него, и наполняется важнейшими и чистейшими его частями.

59. И полагают, что когда Тифон совершает вторжение и достигает крайних пределов, то она впадает в уныние, и говорят, что она поднимает плач, разыскивает и одевает останки и ключья Осириса, а поврежденные части принимает в себя и скрывает их, чтобы снова явить и испустить из себя как порождения. Таким образом, мысли, образы и истечения бога, пребывающие на небе и звездах, остаются неизменными, а то, что рассеяно в изменчивой природе — в земле, море, животных и растениях, то, что растерзано, погублено и похоронено, — часто вновь является и сияет в порождении. Поэтому миф гласит, что Нефтида сожительствует с Тифоном, но что Осирис тайно сошелся с нею. Ведь разрушительная сила владеет преимущественно крайними пределами материи, которые называются Нефтидой, или Концом. А сила плодотворная и охранительная уделяет ей только слабое и хилое семя; его же губит Тифон, кроме того, которое Исида подбирает, сохраняет, вскармливает и возвращает.

60. Короче говоря, этот бог¹⁹⁴ — весьма благой, и так полагают Платон и Аристотель. Плодотворная и охранительная часть природы движется к нему и к бытию, а губительная и разрушительная — от него и к небытию. Поэтому имя «Исида» производят от понятий «разумно двигаться» (иестай) и «влечься», ибо она есть одушевленное и осмысленное движение. Имя это не варварское, но как общее наименование всех богов (теос) происходит от слова «зримый» (театос) и «движущийся» (теон)¹⁹⁵, так и эту богиню мы, подобно египтянам, назы-

¹⁸⁹ Symp. 203b слл.

¹⁹⁰ Пор — «богатство», Пеня — «бедность», Эрот — «любовь».

¹⁹¹ Diog. Laert., VII, 134: имеются в виду стоики.

¹⁹² Мир — благовонное масло; не следует путать его с миррой (или смирной) — ароматической смолой.

¹⁹³ Arist., De Anima, 429a 20 слл.

¹⁹⁴ Осирис.

¹⁹⁵ Plato. Crat. 397d.

ваем Исидой в честь знания и движения. Поэтому Платон говорит¹⁹⁶, что древние выражали понятие сущности (усия), называя ее исия. Так же, по его словам, они толковали мысль (ноэсис) и сознание (фронэсис)¹⁹⁷, которые являются как бы перемещением и движением разума, стремящегося и влекомого; и они усматривали единение, благо и доблесть во всем вечно текущем и влекущемся. Точно таким же образом противоположными именами они порицали зло: все, что сковывает и связывает природу, все, что задерживает и мешает стремлению и движению, они называют пороком (какиа), скудностью (апориа), трусостью (дейлиа), мукой (аниа)¹⁹⁸.

61. Также Осирис имеет имя, составленное из слов «святой» (осиос) и «священный» (иерос)¹⁹⁹, ибо он является общим разумным началом²⁰⁰ сущего в небе и в преисподней; причем у древних был обычай первое называть святым, а второе — священным. А тот, кто изъясняет небесные явления, — Анубис, который является законом вышней сферы, — тот иногда называется Германубисом; одним именем он связан с тем, что наверху, другим — с тем, что внизу. Поэтому в жертву ему приносят как белого петуха, так и пестрого: считают, что вышнее беспримесно и светло, а дольнее — смешанно и пестро. И не надо удивляться, что эти имена перекраиваются на греческий лад; ибо бесчисленное множество других слов, которые ушли в изгнание вместе с перекочевавшими из Эллады людьми, до сих пор сохраняются и живут как иноземцы среди чужих народов, и тот, кто называет их глоттами, ложно обвиняет поэзию, употребляющую некоторые из них, в варваризме. Еще пишут, что в так называемых Книгах Гермеса о священных именах говорится, что энергию, связанную с вращением солнца, египтяне называют Гором, а эллины — Аполлоном; энергию же, связанную с ветром, одни называют Осирисом, другие — Сараписом, третьи по-египетски — Софис. А Софис означает «беременность» (киэсис) или «быть беременной» (киэйи). Поэтому вследствие ошибки в словах по-гречески Псом (кион) называется то созвездие, которое считают уделом Исиды. Итак, менее всего стоит препираться из-за имен; однако я скорее уступлю египтянам имя Сараписа, чем Осириса, ибо первое из них — чужеземное, второе — греческое, и я считаю, что оба они принадлежат одному богу и одной энергии.

62. Со всем этим согласуются и представления египтян; ибо часто они называют Исиду именем Афины, которое имеет следующее значение: «я сама пришла», что служит указанием на самопроизвольное движение. Тифон же, как было сказано, именуется Сетом, Бебоном и Сму, и этими именами хотят обозначить некую насильственную и стеснительную помеху, или противоречие, или переворот. Более того, как пишет Манефон²⁰¹, магнит называют костями Гора, а железо — костями Тифона, ибо оно часто как бы увлекается и притягивается магнитом, но часто — бывает отражено и отброшено в противоположную сторону. Точно так же спасительное, благое и разумное движение мира путем убеждения обращает, привлекает и смягчает упрямое движение Тифона, а потом, приблизив к себе, снова отталкивает и топит в беспредельности²⁰². И еще Эвдокс говорит²⁰³, что египтяне в мифе о Зевсе рассказывают, будто у него были сросшиеся ноги и он не мог ходить и от стыда жил в пустыне; и что Исиды, расщепив и разделив эти части его тела, даровала ему легкую походку. Под всем этим миф подразумевает, что мысль или разум бога, сам по себе пребывавший в незримости и безвестности, оказался явленным благодаря движению²⁰⁴.

63. Также систр является символом того, что все сущее по необходимости сотрясается

¹⁹⁶ Stat. 401c.

¹⁹⁷ Ищет в этих словах корень «ис».

¹⁹⁸ Разлагает слова на два корня, один из которых — «иа», «движение». Получается: зло — дурное движение, скудость — недостаток движения, трусость — боязнь движения, мука — отсутствие движения.

¹⁹⁹ Выделяет корни «ос» и «ир»

²⁰⁰ λόγος κοινός.

²⁰¹ FHG II, стр. 613, fr. 77; FGrHist. III, № 609, fr. 21.

²⁰² Разночтение: в скудости (Loeb, стр. 148).

²⁰³ Fr. 299.

²⁰⁴ εἰς γένεσιν ὑπο κινήσεως προήλθεν можно понять как: обрел творческую способность благодаря движению.

и никогда не прекращает круговращения; напротив, все заснувшее и потухшее как бы расталкивается и пробуждается. Рассказывают, что с помощью сестров отпугивают и отражают Тифона, и этим дают понять, что в то время как уничтожение связывает и подавляет природу, рождение вновь освобождает и воскрешает ее через движение. К тому же верхняя часть систра кругообразна, и дуга охватывает четыре сотрясаемых предмета; ведь и часть мира, подверженная рождению и смерти, объемлется лунной сферой и все в ней движется и изменяется через четыре стихии: огонь, землю, воду и воздух. На дуге систра, сверху, высекают кота с человеческим лицом, а внизу, под тем, что сотрясается, в одном месте — лицо Исиды, в другом — лицо Нефтиды²⁰⁵, обозначая ликами рождение и смерть, ведь именно они суть перемещение и движение элементов. А под котом подразумевается луна из-за пестроты, ночных блужданий и плодовитости зверя. Говорят, что он рождает одного детеныша, потом двух, трех, четырех и пятерых; и так он прибавляет по одному до семи, причем всегда рождает двадцать восемь, а таково число лунных суток. Впрочем, это, пожалуй, слишком фантастично. И кажется, что зрачки в глазах кота наполняются и расширяются в полнолуние, а при убыли светила — утончаются и слепнут. Человеческие же черты кота символизируют осмысленное и разумное начало в чередованиях луны.

64. Короче говоря, неверно считать воду, солнце, землю или небо Осирисом или Исидой; с другой стороны, если мы отнесем к Тифону не огонь, засуху или море, но вообще все неумеренное и неупорядоченное из-за избытка или недостатка, а все налаженное, благое и полезное будем чтить и уважать как дело Исиды и как образ, отражение и мысль Осириса, то мы не ошибемся. Мы также прервем Эвдокса²⁰⁶, когда он выражает недоверие и недоумевает, почему Деметру не касаются любовные дела а Исиду — касаются, и почему Дионис не может ни вызвать разлив Нила, ни править над мертвыми. Ибо путем простого рассуждения я заключаю, что эти боги повелевают всякой долей блага, и все благое и прекрасное в природе возникло благодаря им, причем Осирис дает начала, а Исида принимает и распределяет их.

65. Точно так же мы выступим и против многочисленных невежд, которым приятно соотносить легенды о столь великих богах или с сезонными переменами климата, или с пахотой, временем сева и рождением плодов. Они говорят, что Осириса хоронят, когда скрывается в землю посеянное зерно, и что он воскресает и является вновь, когда начинается произрастание. Поэтому рассказывают, что Исида, узнав, что зачала, надела амулет с наступлением шестого дня месяца Фаофи и что к зимнему солнцевороту она родила среди ранних цветов и побегов недоношенного и недоразвитого Гарпократа. Поэтому ему приносят начатки взошедшей чечевицы, а день рождения празднуют после весеннего равноденствия. Тот, кто слушает подобные вещи, получает удовольствие и верит, поспешно обретая объяснение в том, что ему доступно и привычно.

66. И, напротив, нет ничего страшного, если, во-первых, египтяне свято блюдут общих (для всех людей) богов и не делают их своей собственностью, не распространяют их имена только на Нил и на землю, которую Нил орошает, не называют единственным божественным творением болото или лотос и не отнимают великих богов у остальных народов, у которых нет ни Нила, ни Бута, ни Мемфиса. Исиду же и связанных с ней богов знают и признают все люди, и если некоторых они научились называть египетскими именами недавно, то власть каждого знают и чтят с самого начала. Во-вторых, что более важно, они очень заботятся и боятся, как бы незаметно не уничтожить и не распылить божественное начало в ветре, реке, семени, жатве, состоянии земли и смене времен года, как делают те, кто отождествляет Диониса с вином, а Гефеста — с огнем. Также Клеанф где-то говорит²⁰⁷, что Персефона — это дуновение, которое поднимается от хлебов и гибнет. А некий поэт написал о жнецах:

²⁰⁵ На египетских систрах обычно дважды изображалось лицо Хатхор и голова кошачьей богини Бастет.

²⁰⁶ Fr. 298.

²⁰⁷ SVF I, 547. Клеанф (331–233 гг. до н. э.) — глава стоической школы после Зенона.

когда сильные рассекают тело Деметры²⁰⁸.

Эти люди нисколько не отличаются от тех, кто считает парус, якорь и канат — кормчим, нить и челнок — ткачом, а чашу, медвяную смесь или ячменный напиток — врачом-врачевателем. Так они порождают ужасное и безбожное учение, перенося имена богов на бесчувственную и бездушную природу и вещи, которые неизбежно разрушаются людьми, имеющими в них нужду и пользующимися ими. Но невозможно представить себе, чтобы подобные явления были богами.

67. Ибо божество не лишено мысли и души²⁰⁹ и не подчинено людям. Мы же признали богами тех, кто дарует и доставляет нам в пользование все вечное и долговечное, и мы не различаем разных богов у разных народов, ни варварских и эллинских, ни южных и северных. Но как солнце, луна, небо, земля и море являются общими для всех и только называются у разных людей по-разному, так для единого, все созидающего Разума, и для единого, всем распоряжающегося Промысла²¹⁰, и для благотворных, во всем распространенных сил у разных народов в соответствии с их обычаями существуют разные почести и названия. И небезопасно пользуются священными символами, одни — смутными, другие — более ясными, направляя умозрение к божественному. Ибо некоторые, сбиваясь с пути, соскальзывают в суеверие, а другие, избегая суеверия как трясины, опять-таки неожиданно скатываются, как в пропасть, в безбожие.

68. Поэтому в таких делах нужно прежде всего взять в наставники философское учение и благочестиво рассуждать обо всем сказанном и сделанном. И как Феодор²¹¹ рассказывает, что слова его, которые он подавал правой рукой, некоторые из слушателей принимали левой, так да не ошибемся и мы, понимая иначе то, что законы прекрасно установили о жертвоприношениях и праздниках. А что все сводимо к разумному, это можно почерпнуть у самих египтян.

В девятнадцатый день первого месяца они устраивают праздник в честь Гермеса, едят мед и фиги и восклицают: «сладка истина». И амулет Исиды, который, согласно мифу, она надела на себя, толкуют как «правдивый голос»²¹². Также Гарпократа следует считать не уродливым богом-ребенком и не каким-нибудь божеством бобов, но защитником и выразителем раннего, несовершенного и несформировавшегося учения людей о богах. Поэтому он держит палец прижатым к губам в знак молчания и тишины. А в месяц Месоре ему приносят бобы и говорят: «Язык — счастье, язык — божество». Рассказывают, что из всех египетских растений богине чаще всего жертвуют персею, потому что плод ее похож на сердце, а лист — на язык. И из всего, чем владеет человек от рождения, нет ничего божественнее слова, особенно — слова о богах, и ничто не имеет большего значения для счастья. Поэтому приходящему сюда к оракулу²¹³ мы советуем мыслить благочестиво и говорить пристойно. Но смешно поступает большинство людей, которые в процессиях и на праздниках провозглашают устами глашатая благоречие, а потом дурно говорят и думают о самих богах.

69. Но как же следует относиться к мрачным, безрадостным и скорбным празднествам и жертвам, если не подобает ни пренебрегать установлениями, ни смешивать и запутывать учение о богах нелепыми подозрениями? И у греков почти в то же самое время совершается многое, подобное тому, что делают египтяне во время священнослужений²¹⁴. Так, в Афинах

²⁰⁸ EGF I, стр. 73, fr. 11.

²⁰⁹ οὐ ἄνοον οὐδ' ἄψυχον.

²¹⁰ λόγος, πρόνοια.

²¹¹ Родился около 340 г. до н.э., ученик и последователь основателя киренской философской школы Аристиппа. Некоторые аспекты его этического учения и атеистические высказывания закрепили за ним репутацию аморалиста. См. Diog. Laert., II, 86; 97–103.

²¹² Или: голос — истина. Эту формулу произносил в загробном суде Осирис, оправдывая душу. Очевидно, Плутарх толкует амулет Исиды как символ оправдательного голоса, дарованного этой богине вслед за супругом.

²¹³ По-видимому, речь идет о Дельфийском святилище.

²¹⁴ Разночтение: в храмах Исиды. Norfner, стр. 42; Loeb, стр. 100.

женщины в праздник Фесмофорий постятся, сидя на земле, а беотийцы передвигают святилища Скорбящей²¹⁵ и называют этот праздник тягостным, потому что Деметра пребывает в печали из-за ухода Кору вниз. На сезон Плеяд приходится тот месяц посева, который египтяне называют Афир, афиняне — Пианепсион, а беотийцы — Даматрий. А Феопомп пишет, что обитатели запада считают и называют зиму Кроном, лето — Афродитой, а весну — Персефоной и думают, что все произошло от Крона и Афродиты²¹⁶. Фригийцы же, полагая, что зимой бог спит, а весной просыпается, то усыпляют его, то пробуждают вакхическим служением. А пафлагонцы утверждают, что зимой бог связан и заперт, а весной — встряхивается и освобождается.

70. Также определенное время года вызывает подозрение, что печаль происходит от сокрытия зерен, которых древние считали не богами, но дарами богов, великими и необходимыми для того, чтобы не жить дико и звероподобно. В ту пору, когда они видели, что плоды на деревьях портятся и совсем пропадают, они с трудом и скудно сеяли зерно, разгребая землю руками и снова накидывая ее, и клали семя в землю в неведении, примется ли оно и достигнет ли зрелости, и делали многое подобно тем, кто хоронит и скорбит. Опять-таки как о покупателе книг Платона мы говорим, что он покупает Платона, а о том, кто декламирует сочинения Менандра, говорим, что он играет Менандра, так они не чурались именами богов называть их дары и творения, почитая и возвеличивая их за полезность. Потом же, воспринимая это невежественно и без понимания, перенося на богов превращения зерна и не только называя, но и считая появление и исчезновение необходимого пропитания рождением и смертью богов, преисполнились глупых, преступных и мутных учений, хотя нелепость этой бессмыслицы была им в глаза.

И справедливо Ксенофан из Колофона²¹⁷ настаивает, чтобы египтяне, если они считают плоды богами, не оплакивали их, а если оплакивают, то чтобы не считали богами: разве не смешно, что тот, кто оплакивает, одновременно молит их явиться вновь и созреть для него с тем, чтобы они опять погибли и были оплаканы.

71. Однако дело обстоит не так. Ведь они оплакивают плоды, а молят богов, первопричину и дарителей, чтобы те создали и взрастили новый урожай взамен погибшего. Поэтому прекрасно говорят философы, что тот, кто не научился правильно слышать слова, плохо проявляет себя и в деле. Так, некоторые из эллинов, не научившись и не привыкнув называть медные, рисованные и каменные изображения статуями и знаками почета богам, затем осмелились говорить, что Афины ободрал Лахар, златокудрого Аполлона остриг Дионисий, а Зевс Капитолийский сгорел и погиб во время Союзнической войны²¹⁸; таким образом они (незаметно насаждают и протаскивают дурные представления, вытекающие из слов. Все это в не меньшей степени испытали и египтяне из-за почестей, оказываемых животным. В этом случае греки правильно и говорят, и думают, что голубь — любимая живность Афродиты, змея — Афины, ворон — Аполлона, а собака — Артемиды, как сказал Еврипид²¹⁹:

«Ты станешь собакой — кумиром светоносной Гекаты».

Большинство же египтян, холя и ублажая этих животных как богов, не просто наполнили свои священные обряды смешными и забавными вещами — это еще наименьшее зло глупости; но возникает ужасное учение, ввергающее слабых и невинных в подлинное суеверие,

²¹⁵ τῆς Ἀχάϊας. Не исключено, что этот эпитет означает «ахейская» (богиня).

²¹⁶ FHG I, стр. 328, fr. 293; FGGrHist. IIВ, № 115, fr. 335. Запад — это Сицилия и Италия. В Кропе, очевидно, надо видеть Сатурна; Афродита чаще отождествлялась с весной, чем с летом.

²¹⁷ Vogs. I, № 11, A13. Философ VI в. до н.э.

²¹⁸ В 300 г. до н.э. Лахар, возглавлявший оборону Афин от Деметрия Полиоркета, использовал позолоченное одеяние статуи Афины на военные нужды (Paus., I, 25, 7; Athen., IX, 405F). По той же причине «остриг» Аполлона сиракузский тиран Дионисий Старший (Aelian., Var. Hist. I, 20). Храм Юпитера Капитолийского до времен Плутарха горел дважды: в 83 г. до н.э. при Сулле и в 69 г. н.э. при Вителлии (Tac., Hist. III, 72).

²¹⁹ Nauck, fr. 959.

а у более остроумных и дерзких вырождающееся в дикие, отрицающие богов суждения. Поэтому будет не лишним сказать об этом разумное слово.

72. Представление о том, что боги вселились в подобных животных из страха перед Тифоном, как бы спрятавшись в тела ибисов, собак и соколов, перещеголяло всякую небылицу и сказку²²⁰. Также недостоверно, что воскресение сохранившихся душ умерших происходит как переселение только в эти существа. Из тех, кто желает сослаться на государственные дела, одни рассказывают, что Осирис в большом своем походе разделил войско на многие части, которые по-гречески называются отрядами и колоннами, и дал всем знаки в виде зверей, каждый из которых стал священным и почитаемым для рода того, кому они были назначены; другие говорят, что позднейшие цари ради устрашения врага являлись, надев золотые и серебряные звериные маски; третьи же пишут, что один грозный и хитрый царь, усмотрев, что египтяне по природе легкомысленны и чрезвычайно склонны к переменам и новшествам и что, когда они единомышленны и действуют заодно, сила их непобедима и неукротима благодаря численности, явил им и посеял среди них неискоренимое суеверие как основание для вечного раздора. Так как разным племенам он приказал чтить и почитать разных тварей, а животные относились друг к другу неприязненно и враждебно и по своей природе стремились пожрать друг друга, то люди постоянно защищали каждый своих, с трудом переносили, если животных обижали и, незаметно вовлеченные в их вражду, перессорились между собой. И до сих пор среди египтян только ликополиты едят овцу в подражание волку, которого они считают богом. Оксиринхиты же до наших дней ловят собаку, закалывают ее и поедают как жертвенное животное, потому что кинополиты едят осетра²²¹. По этой причине они вступили в войну, причинили друг другу ущерб, а позже были обузданы и помирены римлянами.

73. Но так как многие утверждают, что в эти твари²²² переселилась душа самого Тифона, то, возможно, миф символически показывает, что все неразумное и дикое в природе есть часть дурного демона, и для того, чтобы умиловить и унять его, пекутся и заботятся об этих животных. И если приключается длительная и тяжкая засуха, вызывающая сверх прочего или губительный мор или другие неожиданные и ужасные бедствия, то жрецы во мраке, тишине и молчании выводят некоторых из почитаемых животных и сначала грозят им и запугивают их, а если бедствие продолжается, закалывают и приносят их в жертву, как будто это является наказанием демона или, иначе,— великой искупительной жертвой в великой беде. А в городе Илифии, как пишет Манефон²²³, заживо сжигали людей, которых называли Тифоновыми и, провеивая их пепел, рассеивали и уничтожали его. И это делали открыто и в определенное время: в собачьи дни. Жертвоприношения же чтимых животных совершаются втайне, в неустановленный срок, от случая к случаю и скрытно от толпы, за исключением погребальных церемоний, когда выставляют трупы некоторых животных и хоронят их вместе, в присутствии всех, считая, что в свою очередь наносят ущерб и вредят тому, что любит Тифон. Ибо Осирису, по-видимому, посвящен только Апис с немногими другими животными, а Тифону предназначают большую часть тварей. Если это объяснение правильно, то я думаю, что оно отвечает на расспросы относительно тех живностей, которые признаны всеми и которые получают общеизвестные почести; таковыми являются ибис, сокол, собакоголовая обезьяна сам Апис и Мендес: так называют в городе Мендесе козла.

74. Остаются еще полезность и иносказательность; некоторые обычаи имеют то или другое основание, большинство же обладает и тем, и другим. Очевидно, что быка, овцу и фараонову мышь стали чтить ради нужды в них и их полезности (так, жители Лемноса чтят

²²⁰ Согласно египетской традиции в животных превратились Сет и его сторонники. О переселении благих богов сообщают античные авторы. См. Th. Hopfner, *Fontes Historiae Religionis Aegypticae*, Bonnae, 1922. ч. I, стр. 81; ч. II, стр. 131.

²²¹ Названия городов происходят от слов «волк», «осетр» и «собака».

²²² Т. е. в почитаемых животных.

²²³ FHG II, стр. 616, Fr. 84a; FGrlist. III C, № 609, fr. 22.

жаворонка, который отыскивает и разбивает яйца саранчи. А фессалийцы почитают аистов, потому что, когда земля порождает множество змей, аисты являются и уничтожают их всех. Поэтому они приняли закон о том, что каждый убивший аиста, отправляется в изгнание); чтили также аспиду, ласку и скарабея, так как усматривали в них некое слабое подобие божественного могущества, как в каплях — отражение солнца. До сих пор многие думают и рассказывают, что ласка зачинает через ухо, а рождает — через рот, и что это — подобие рождения слова; также говорят, что скарабеи не имеют самок и что все самцы выпускают семя в вещество, сбитое в шарики, которые они катят, толкая их назад, так же как солнце по видимости вращает в обратном направлении небо, направляясь само с запада на восток.

Аспиду же сравнивают со звездой²²⁴, потому что он не стареет и движется легко и ловко без помощи членов.

75. Так же и крокодил пользуется почетом, не лишенным убедительного основания, — ведь его называют подобием бога потому, что только у него одного нет языка, а божественное слово не нуждается в звуке и,

«двигаясь по бесшумному пути, справедливо правит делами смертных»²²⁵

И говорят, что из обитателей воды только у него одного глаза прикрывает нежная и прозрачная пленка, спускающаяся со лба, так что он видит, будучи невидимым, а это свойство присуще Первому богу. И где самка крокодила откладывает яйца, там она отмечает предел разлива Нила. Ибо откладывать в воде они не могут, далеко от воды — боятся, но так точно предугадывают будущее, что, принося и обогревая яйца, они пользуются подъемом реки и сохраняют их сухими и неподмоченными. Они кладут шестьдесят яиц, столько же дней высиживают их, и столько же лет живут самые долголетние крокодилы, а это число — первое для тех, кто занимается небесными светилами. Что касается животных, которых почитают по двум причинам, то о собаке было сказано выше. Ибис же, который убивает смертоносных пресмыкающихся, первым научил людей пользоваться лечебными очищениями, ибо они видели, как он промывает и опорожняет сам себя. И самые строгие жрецы, подвергаясь очищению, берут очистительную воду там, где пил ибис, потому что если вода вредна или околдована, он не пьет ее и даже не подходит к ней. Расстояние между ногами и промежутки между ногами и клювом образуют у него равносторонний треугольник, а узорчатое смешение его черных и белых перьев напоминает месяц. И не нужно удивляться, что египтяне привержены к таким слабым подобиям. Ведь и греки для лепных и рисованных изображений богов используют многие похожие символы.

Например, на Крите была статуя Зевса, не имеющая ушей: ибо ничего не подобает слышать повелителю и владыке всего сущего. Возле статуи Афины Фидий поместил змею, а возле статуи Афродиты в Элиде — черепаху, потому что девы нуждаются в защите, а замужним женщинам пристали домоседство и молчаливость. Трезубец же Посейдона символизирует третью часть земли, которой владеет море, занимающее место после неба и воздуха; и отсюда произошли имена Амфитриты и тритонов. Также пифагорейцы украшают именами богов числа и фигуры. Равносторонний треугольник они называют Афиной, рожденной из головы и трижды рожденной²²⁶, потому что его делят три перпендикуляра, проведенные из трех углов. Единицу называют Аполлоном из-за того, что она отрицает множественность и из-за простоты единичного; двойку — раздором и дерзостью, а тройку — справедливостью: так как нанесение несправедливости и претерпевание оной проистекает из недостатка и избытка, то справедливость благодаря равновесию оказывается посередине; а так называемая четверица, число тридцать шесть, была, как общеизвестно, величайшей клятвой и называлась

²²⁴ Разночтение: с молнией. Loeb, стр. 172. Аспид — это, видимо, кобра, звезда — Сириус.

²²⁵ Eurip., Troades 887 сл.

²²⁶ Афина-Тритогея. Может быть, эпитет происходит от места рождения Афины — ливийской реки Тритон; в целом нельзя найти ни одного вполне удовлетворительного его объяснения.

космосом, потому что она образована из соединения первых четырех четных и четырех нечетных чисел²²⁷.

76. Итак, если самые знаменитые философы, усматривавшие отражение божества в бездушных и бестелесных элементах, думали, что ничем нельзя пренебрегать и ничто нельзя оставлять без внимания, то я полагаю, что особи, облеченные в естество, способное к восприятию, имеющее душу, чувство и характер, тем более достойны любви; и почитают не их, но через них — божество, потому что они являются его яснейшим и природным зеркалом и потому что в них надо признать творения и создания все устрояющего бога²²⁸. Да и вообще не следует бездушное ценить выше одушевленного и бесчувственное — выше способного к восприятию, не следует — даже если бы кто-нибудь соединил вместе и воедино все золото и все смарагды. Не в цвете, форме или гладкости обитает божество, ибо то, что не причастно и по природе своей не может быть причастно к жизни, имеет участь более бесславную, чем участь мертвых. Природа же, которая живет, видит, имеет в себе источник движения и знание своего и чужого, впитала в себя истечение и долю красоты от Мыслящего, «кем управляется Все», — как сказал Гераклит²²⁹. Поэтому нисколько не хуже уподоблять божество этим живностям, чем медным и каменным изделиям, которые подвержены порче и изменению и лишены от природы всякого чувства и разума. Вот что больше всего одобряю я из того, что говорят о почитаемых животных.

77. Что касается одежды, то у Исиды она пестрого цвета, ибо, принадлежа к материи, энергия ее становится всем и все в себе включает: свет и тьму, день и ночь, огонь и воду, жизнь и смерть, начало и конец. Одевание же Осириса не приемлет тень и пестроту и является одним чистым подобием света, ибо начало — беспримесно, и ни с чем не смешано первичное и сверхчувственное. Поэтому, надев однажды это платье, жрецы затем снимают его и берегут невидимым и неприкосновенным. А покровами Исиды они пользуются часто, потому что чувственное и доступное, когда его используют, представляет много случаев раскрывать и лицезреть себя, изменяясь каждый раз по-разному. Напротив, знание сверхчувственного, чистого и простого²³⁰, просияв сквозь душу, как молния, только один раз позволяет коснуться и увидеть себя. Поэтому Платон и Аристотель²³¹ называют все это мистической частью философии, ибо, миновав сложное и разнородное с помощью разума, люди возносятся к этому первичному, простому и нематериальному началу и, по-настоящему коснувшись заключенной в нем чистой истины, полагают, что обладают, наконец, всей мудростью.

78. И вот на что осторожно намекают нынешние жрецы, служа истине и укрывая ее: этот бог²³² правит и царствует над мертвыми, и он есть не кто иной, как тот, кто называется у эллинов Плутоном, или Гадесом; а так как истина эта непонятна, то она приводит в замешательство многих людей, подозревающих, что в самом деле святой и священный Осирис обитает в земле и под землей, где скрываются тела тех, кто, как полагают, обрел конец.

Напротив, этот бог очень далек от земли и пребывает нетронутым, незапятнанным и чистым от всякой сущности, причастной к разрушению и смерти. И для людских душ, которые облакаются в этом мире в тела и страсти бывает сопричастие богу только как образу туманного сновидения, которого можно коснуться познанием с помощью философии. Когда же души освобождаются и переходят в невидимое, незримое, невозмутимое и непорочное обиталище, тогда этот бог становится для них владыкой и царем, из-за него они как бы привязаны к несказанной и невыразимой для людей красоте, созерцают ее и ненасытно стремятся к ней. И, как гласит старинное предание, Исида, полюбив красоту, вечно тяготея к ней и пре-

²²⁷ $1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 + 8 = 36$.

²²⁸ Разночтение: так что в душе надо видеть орудие все устрояющего бога.

²²⁹ Vors. I, 12B, 41.

²³⁰ Разночтение: и священного. Griffiths, стр. 242.

²³¹ Plato, Symp. 210a слл. В дошедших до наших дней трудах Аристотеля подобное высказывание не встречается.

²³² Осирис.

бывая с ней, наполняет наш мир всем прекрасным и благим, что имеет отношение к рождению. Таково объяснение всего этого, более всего соответствующее божественной природе.

79. И если еще надлежит, как я обещал, рассказать о ежедневных воскурениях, то кто-нибудь сначала мог бы подумать об этом, что люди всегда окружают великой заботой обычаи, имеющие отношение к здоровью; особенно религиозным обрядам, очищениям и строгому образу жизни попечение о здоровье присуще не меньше, чем благочестие. Ибо египтяне не считают достойным служить с больными и порченными изнутри телами или душами чистому, всецело невредимому и незапятнанному. В самом деле, воздух, которым мы пользуемся и с которым соприкасаемся больше всего, не всегда имеет один и тот же состав и состояние, но по ночам уплотняет и сдавливает тело и вместе с ним ввергает в уныние и заботу душу, как бы отяжелевшую и отуманенную; поэтому, восстав ото сна, они тотчас возжигают камедь, оздоравливая и очищая воздух через разряжение его, и снова воспаляют угасший природный дух тела, потому что аромат камеди имеет в себе нечто мощное и возбуждающее. Опять-таки, когда они видят, что полуденное солнце силой увлекает с земли обильные и тяжелые испарения и смешивает их с воздухом, тогда они возжигают смирну, ибо тепло разгоняет и рассеивает сгустившуюся в атмосфере муть и пыль.

По-видимому, из тех же соображений врачи в случае эпидемии оказывают помощь, разжигая большой огонь и очищая воздух. Лучше всего он очищается, если жгут пахучее дерево, например, кипарис, можжевельник и сосну.

Рассказывают, что в Афинах во время большой эпидемии прославился врач Акрон, который велел разводить возле больных огонь: он помог немалому числу людей. И Аристотель²³³ утверждает, что благовонное дыхание пахучих растений, цветов и лугов приносит не меньше здоровья, чем удовольствия, потому что теплотой и нежностью оно постепенно смягчает холодный и бесчувственный от природы мозг. И если египтяне называют смирну «баль», а перевод этого слова означает прежде всего «изгнание избытка», то это, может быть, дает некоторое подтверждение нашему мнению о причине ее употребления.

80. А смесь куфи²³⁴ образуется из шестнадцати составных частей: из меда, вина, изюма, кипера, камеди, смирны, колючего дрока, сесели, морского лука, горной смолы, тростника, щавеля; кроме того, из обоих видов можжевеловых ягод (из которых один называют большим, а другой меньшим), из кардамона и аира. Сочетаются они не как придется, но, когда парфюмеры смешивают все это, им читают священные письма. Менее всего можно утверждать, что само число способствует успеху, хотя оно кажется весьма достойным похвалы, ибо является квадратом квадрата и единственное из всех чисел, содержащих квадрат, имеет периметр, равный площади. Но дело в том, что большинство компонентов состава содержат ароматическую энергию и испускают сладостные и полезные веяния и испарения, от которых воздух преобразуется, а тело, медленно и легко движущееся среди дуновений, приобретает состав, располагающий ко сну; и все печали и напряжения дневных забот без помощи вина аромат распускает как узлы и ослабляет. Он полирует, как зеркало, орган, воспринимающий сны и фантазии, и проясняет его не менее, чем звуки лиры, к которой перед сном прибегают пифагорейцы, заклиная и успокаивая страстное и неразумное начало души. Пахучие растения часто возвращают потерянную чувствительность, часто, напротив, притупляют и ослабляют ее вновь, когда их испарения нежно разливаются по телу. Поэтому некоторые врачи говорят, что сон возникает тогда, когда испарения от пищи, легко движущейся по внутренностям и соприкасающиеся с ними, производят нечто вроде щекотки. Куфи пользуются и как питьем, и как мазью; думают, что когда его пьют, то оно, будучи мягчительным средством, очищает внутренности. Кроме того, смола происходит от солнца, а смирна — от растений, источающих смолку на солнечном свете.

Из трав, входящих в состав куфи, есть такие, которые больше любят ночь, подобно тем, что по природе своей набирают силу от холодных ветров, тени, росы и влаги. И в то время

²³³ В сохранившихся работах Аристотеля ближе всего к этому фрагменту стоят рассуждения в Part. Anim. 2, 7.

²³⁴ Рецепт куфи, очевидно, заимствован Плутархом у Манефона. FHG II, стр. 616, fr. 84b.

как свет дня единичен и прост, — ведь Пиндар сказал, что солнце видно «в пустынном эфире»²³⁵ — ночной воздух является разбавкой и смесью многих видов света и энергии, как будто со всех звезд в одно место упали семена. Итак, вполне справедливо благовония, простые и ведущие свой род от солнца, они воскуряют днем, а иное, как нечто смешанное и качественно разнородное, — с наступлением ночи²³⁶.

Сокращения.

- Bergk — Th. Bergk. *Poetae lyrici graeci*, I–III. Lipsiae, 1919–1923
EGF — G. Kinkel. *Epicorum graecorum fragmenta*. Lipsiae, 1877.
FGrlHist.— F. Jacoby. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. I–III. B., 1923–1943.
FHG — C. Müller. *Fragmmenta historicorum graecorum*. I–V, P., 1848–1874.
Griffiths — *Plutarch's De Iside et Osiride with an intntroduct., transl. and comment.* by J. G. Griffiths. Cambr., 1970.
Hopfner — Th. Hopfner. *Plutarch über Isis und Osiris*, I–II. *Orientalisches Inst. in Prag, Monographien des Archiv Orientální*. Bd. 9, Prag. 1940–1941.
Loeh — *Plutarch's Moralia with an english transl.* by F. C. Babbitt in 14 vol., V, L.— Cambr., 1930. *The Loeb Classical Library*.
Mette — H. J. Mette. *Die Fragmente der Tragödien des Aischylos*, B., 1959. Nauck — A. Nauck, *Euripidis perditarum tragoediarum fragmenta*. Lipsiae, 1885.
SVF — H. von Arnim, *Stoicorum veterum fragmenta*, I–IV, Lipsiae, 1921–1924.
Vors. — H. Diels und W. Kranz, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, I–II, B., 1906–1910.
Сноски на Эвдокса Книдского даны по кн. F. Lasserre, *Die Fragmente des Eudoxos von Knidos*, B., 1966.

²³⁵ Olym. I, 6.

²³⁶ Неизвестно, оборван текст трактата или кончается этой главой.